

НОВАЯ ПОЛЬША 2/2000

Содержание

1. ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА
2. ГОВОРИТ ВАЙДА
3. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
4. РОССИЯ ПРОТИВ РОССИИ ГЛАЗАМИ АЛЕКСАНДРА ЯНОВА
5. АРШИНОМ ОБЩИМ НЕ ИЗМЕРИТЬ...
6. СТИХОТВОРЕНИЯ
7. ЕЩЁ О «ЗАПИСКАХ АНОШКИНА»
8. ДВА ПИСЬМА
9. ДРУГАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ
10. ЗАМЕТКИ ОЧЕВИДЦА
11. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
12. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
13. О НОВОЙ КАРТЕ МИРА

Ежи Корчак

ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА

Ежи Корчак

ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА

1

Все знают, что вся деятельность легендарного эмиссара польского подпольного государства во время войны была связана с упорной борьбой за организацию в мире помощи гибнущим евреям. Это подтверждено десятками сообщений и интервью, и повторения не требует. Но Карский не только одним из первых понял, что катастрофа еврейского народа стала вторым первородным грехом человечества. Его деятельность в подполье выходила далеко за рамки оказания помощи уничтожаемой нации.

Ян Карский родился в 1914 г. в Лодзи, в семье владельца небольшой мастерской по изготовлению кожаных изделий. Его юность прошла среди запаха чемоданов, седел и сумочек. Этот период его жизни отмечен обожанием маршала Пилсудского и выдающимися успехами в учебе. Львовский университет им. Яна Казимира он закончил с двумя дипломами — юриста и специалиста по международным отношениям. Потом было артиллерийское училище, которое он закончил с отличием, и министерство иностранных дел, где Карский быстро продвигался по службе. В его характере была предрасположенность именно к той деятельности, которой ему пришлось заниматься во время войны; он быстро соображал, обладал фотографической памятью, здравым смыслом, был смел, знал иностранные языки.

В свою первую поездку в качестве курьера Карский отправился в январе 1940 г., причем ему сразу же была поручена важнейшая миссия. Карскому предстояло добраться до Франции, где находилась штаб-квартира правительства Польши в изгнании, и описать генералу Сикорскому положение в оккупированной стране. Таковы были полномочия, которыми наделили его представители трех главных политических партий. Его обязали, как можно скорее, вернуться и сообщить, кого генерал назначил полномочным представителем правительства в оккупированной Польше. Таков был данный ему приказ. Однако когда Карский, преодолев заснеженные горы и, не пострадавший от войны, Будапешт, добрался до места, то практически сразу попал в самый центр остройшей политической борьбы. В эмиграции для многих открывались неожиданные возможности. Из-за интриг, инсююаций и борьбы за должности среди эмигрантских структур он был вынужден продлить свое пребывание во Франции и задержался там почти на четыре месяца. Перед возвращением Карскому пришлось много часов подряд выслушивать инструкции, в которых учитывались сложнейшие персональные нюансы. Он успел к этому несколько привыкнуть, но примириться — ему было трудно. Речь шла о функциях находящегося в подполье парламента, о роли политических партий, о формах разграничения военных и гражданских акций. И прежде всего, предлагались кандидатуры трех представителей правительства — на территории

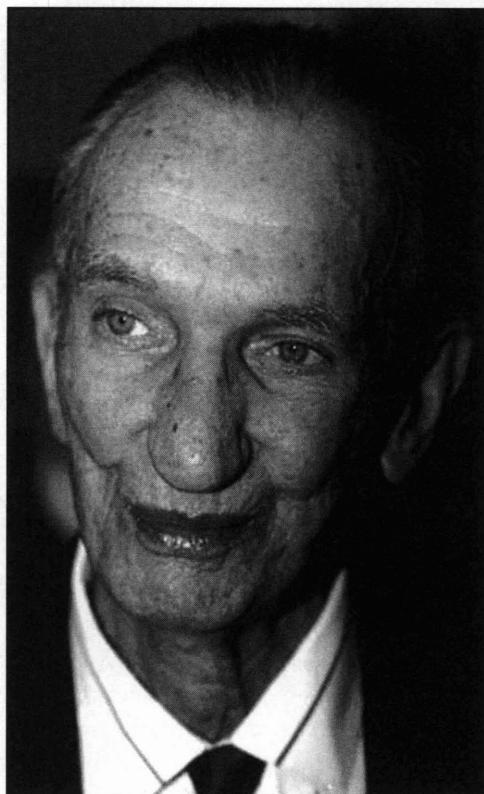

Фото PAP-CAF, Andrzej Rybczyński

«Генерал-губернаторства», на территориях, присоединенных к Рейху, и на территориях, оккупированных СССР.

Голова у Карского шла кругом от потока фамилий, характеристик, адресов и предостережений. А все это вместе должно было стать структурой подпольного государства.

Проделав полное приключений путешествие, Карский добрался до Варшавы. И тут его сразу ждал неприятный сюрприз: пошла первая большая волна террора. В руках гестапо оказались многие действовавшие в подполье политики, а вместе с ними сотни представителей варшавской интеллигенции.

Обстоятельства потребовали усиления мер предосторожности. Но, несмотря на тяжелейшие условия, деятельность подполья не прекращалась. Законспирированная сеть связных действовала по-прежнему четко, а на явочных квартирах проходили совещания, где обсуждалась наилучшая на данный момент тактика действий.

На одной из таких квартир эмиссар «Витольда» — такой псевдоним взял себе Карский — доложил о результатах своей миссии. Его слушала вся руководящая верхушка подполья. Большинству из них вскоре предстояло войти в историю, но тогда, в обычной варшавской квартире, не было никакой торжественности — просто дружеское чаепитие, правда, исключительно в мужской компании.

С тех пор миссия «Витольда» состояла в том, чтобы действовать в обоих направлениях. Передав все, что деятели эмиграции хотели сказать тем, кто действовал в подполье, Карский теперь должен был так же точно запомнить пожелания последних. Он отдавал себе отчет в том, что это напоминает запись на грампластинку: его роль состоит в том, чтобы повторить записанное, а выводы будут делать те, кто находится на самых высоких ступенях лестницы.

2

Следующая поездка была запланирована на конец июня; определены трасса, проводник и этапы пути. Как всегда, к выполнению такого рода задания привлекли самых преданных и тщательно проверенных людей. Никому и в голову не приходило подумать об измене или засаде — казалось, все предусмотрено до мелочей.

Провал случился перед самой венгерской границей. Неоднократно проверенный словак польского происхождения, хозяин квартиры, в которой останавливались на ночлег, за несколько дней до этого стал агентом «глинковской гвардии» (А. Глинка — руководитель клерикально-фашистской Словацкой народной партии), тесно сотрудничавшей с гестапо. Как назло, на сей раз эмиссара снабдили микропленкой, которую он не успел уничтожить, так как его схватили спящим.

Из Прешова его перевезли в Новый Сонч. Началось кровавое следствие. Ни к чему не привели попытки спрятаться за легенду — сказкам о желании добраться до Швейцарии, чтобы там учиться, немцы и не подумали верить.

Карский боялся, что больше не выдержит пыток. В таком положении он решился на отчаянный шаг: бритвой, хитроумно запрятанной в подошве обуви, он вскрыл себе вены на запястьях. Гестаповцы обезумели. Они ни за что не желали допустить, чтобы жертва ускользнула от них на тот свет. Под усиленным конвоем Карского перевезли в местную больницу; врачам было приказано сделать все, чтобы спасти узника.

В это время практически вся подпольная организация в Кракове была поднята на ноги. Принято решение: отбить «Витольда» любой ценой. Десятки опытнейших подпольщиков привлечены к выполнению этого приказа. Задача чрезвычайно рискованная. В больнице узника день и ночь стережет усиленная охрана. Но тщательно разработанный план не сорвался. Как по сценарию самого острогиженного фильма, операция закончилась удачей. Карский был освобожден.

Доставленный в более или менее безопасное место, Карский выразил благодарность своим спасителям и услышал от них следующее признание: «Не благодари. У нас было два приказа: сделать все, чтобы тебя спасти, а в случае неудачи..., — поднятое дуло пистолета красноречивее любых слов. — Сам понимаешь. Ты ведь слишком много знал».

3

Гестапо пыталось любым способом заполучить обратно «бежавшего из больницы опасного бандита». Во всех полицейских участках на территории Генерал-губернаторства висели фотографии «Ви-

тольда», искушала назначенная за его поимку денежная награда. Особой приметой должны были служить шрамы на запястьях; и эта примета еще долго будет преследовать его в разных местах и при разных обстоятельствах.

Карский сначала скрывался в деревне, потом его перебросили в Краков, где он сразу включился в работу подпольной организации. Однако крупный провал в краковском подполье заставил его живо собраться и уехать в Варшаву.

В этот период он примкнул к Фронту возрождения Польши — организации, исповедовавшей христианское мировоззрение в широком понимании слова. Ставя перед собой самые разнообразные социальные и нравственные цели, эта организация в своей практической деятельности, прежде всего, сосредоточилась на спасении преследуемых евреев. Именно такая программа более всего отвечала взглямам Карского, у которого еще в средней школе в Лодзи было много друзей-евреев.

Спустя много лет корреспондент лондонского журнала «Пульс» задал ему вопрос: «Разве ваши игры с еврейскими детьми не были чем-то необычным?». И Карский ответил: «Я до сих пор помню тех еврейских детей: Лейбу Эбушкица — сильного, всегда готового к драке; Сашу Гольдберга, который хотел стать банкиром; Кубу Пшибыцкого, который потом помогал мне в университете и всегда отчитывал меня за плохие отметки; Изю Фукса, который приносил в школу священные книги и молился на переменках — ребята называли его еврейским пророком. И его брата Салюся — самого красивого парня во всей школе. С той поры минули десятки лет, а я по-прежнему вспоминаю о них с нежностью. Что с ними со всеми стало? Один Бог ведает».

А в мае 1994 г. при получении звания почетного гражданина Государства Израиль Карский сказал: «С самой ранней юности, в гимназии им. маршала Пилсудского в Лодзи, меня сопровождали доброжелательность, дружба и помощь со стороны евреев. А теперь они приняли меня к себе. И вот я — Ян Карский, по рождению Козелевский, поляк, американец, католик, — стал теперь израильтянином. Gloria, gloria, in exelsis Deo... (Слава, слава Всевышнему...)».

4

Ранней осенью 1942 г., когда гитлеровский террор особенно усилился, руководители Польского государства в подполье вспомнили о Карском. На сей раз, его миссия касалась еще более широкого спектра вопросов и проблем. Приказы он получил с самого высокого уровня — от представителя эмигрантского правительства в Польше и командующего Армии Крайовой.

Партии, действовавшие на территории оккупированной Польши, посыпали своим представителям в эмиграции все новые пожелания, инструкции и вопросы. Но самым срочным делом стало спасение еще оставшихся в живых евреев.

В предместье Варшавы, в полуразрушенном доме, Карский встретился с двумя представителями еврейского подполья. Оба жили вне гетто, но с еврейским кварталом поддерживали постоянную связь. Состоялся первый, полный драматизма разговор, в каждой фразе которого перед эмиссаром наглядно представляла безнадежность положения погибающего народа. С величайшим вниманием он выслушал подробную информацию о том, какими способами и в каких обстоятельствах происходит ликвидация и как бессильны те, кого убивают. Представители еврейского подполья не питали особых иллюзий по поводу того, что Запад им поможет. Но они выдвигали требования, исходя из чувства долга и лояльности, сохраняя, вероятно, слабую искру надежды, что, может быть, свободный мир их выслушает. Они хотели, чтобы союзники беспощадно бомбили немецкие города, а после каждой бомбардировки сбрасывали листовки, рассказывающие о судьбе евреев, чтобы после войны ни один немец не мог сказать, что он не знал... Они хотели, чтобы всех немцев, где бы они ни попали в руки союзников, ожидала казнь... Они хотели, чтобы все еврейские лидеры в эмиграции объявили тотальную голодовку. А потом они признались, что гетто готовится к вооруженному восстанию. Это будет шаг отчаяния, но они предпочитают такую смерть, нежели сохранять пассивность.

— Не хотите ли сами, собственными глазами, увидеть, как выглядит гетто?

Карский, не колеблясь, согласился.

Спустя несколько дней на конспиративной явке вблизи стены, отгораживающей гетто, он надел на себя рваную одежду со звездой Давида на рукаве. Пробравшись в сопровождении проверенного про-

водника через хорошо замаскированные подвальные коридоры, он оказался в самом центре ада. На тротуарах сидели мужчины, женщины, дети. Все — как скелеты. Они пытались просить милостыню или продавать какие-то остатки убогого скарба. Вокруг стоял смрад. Улицы не убирались. Тут и там валялись голые трупы, некоторые прикрыты газетами. У людей совершенно явно не было возможности организовать похороны, а одежду забрали те, кто еще оставался в живых. Откуда-то возник еврей-полицейский с дубинкой в руке, пытавшийся догнать убегавшего подростка. Какой-то старик у стены жалобно стонал, протягивая руки к небу.

В гетто Карский пробирался еще два раза. Он был потрясен, но хотел запомнить все подробности, чтобы там, в свободном мире, стать достоверным свидетелем. Поэтому, когда ему сделали новое предложение, еще более опасное, чем посещения гетто, он тоже согласился не раздумывая. Переодевшись украинским охранником, он оказался в лагере в Избице-Любельской. Преодолев невероятные препятствия, он собственными глазами смог увидеть, как выглядит геноцид.

На расстоянии нескольких десятков метров от него волнообразно колебалась темная толпа. Медленно подъезжали товарные вагоны. Поезд остановился. Охранники мгновенно подогнали к вагонам деревянные платформы. В воздухе разнеслись душераздирающие крики. Несколько эсэсовцев с пистолетами в руках подталкивали людей в сторону раскрытых дверей. Бежать с платформы ни у кого не было шансов. Это был совершенно явно хорошо проверенный метод загрузки. Раздались выстрелы, направленные в середину толпы, паника усилилась. Избиваемые и подгоняемые люди взирались на плечи и головы тех, кто уже был внутри.

Спрятавшись за какой-то поленницей, Карский смотрел на все это, стараясь не пропустить ни одной сцены. Эта ужасающая картина должна была глубоко запечатлеться в его памяти. Он знал, что только тогда он сможет убедительно рассказать миру про то, что увидел. А пока что чудовищный смрад раздирал ему нос и горло, усиливая ощущение кошмара. Это была негашеная известь, толстым слоем покрывавшая вагоны. Таким образом достигалась двойная цель: с одной стороны, это усиливало мучения задыхавшихся людей, а с другой — защищало от заразы, которой немцы боялись пуще всего.

5

С этими сценами Данкова ада, стоявшими у него в глазах, Карский, спустя две недели, отправился в Лондон. По дороге он перевоплотился во француза, работающего на немецкую промышленность. Но на берегах Темзы его с самого начала ждали практически одни неприятные сюрпризы. Сперва, ссылаясь на усталость эмиссара, ему устроили что-то вроде карантина. Выслушав предварительный доклад, велели ждать дальнейших инструкций. И вот, когда после долгих, бесконечно тянувшихся дней ожидания Карский наконец смог приступить к выполнению своей миссии, его ждало почти сплошное разочарование.

Польский Лондон кипел интригами и трагическим бессилием. Партийные лидеры интриговали друг против друга, часто толкая сообщения Карского о положении в стране в свою пользу. Это в свою очередь вызывало гнев Сикорского, который сам был по уши погружен в борьбу с оппозицией.

По еврейскому вопросу польское правительство все время отчаянно взывало о помощи, но Запад оставался глух. Карский в одиночку и вместе с Юзефом Ретингером — «серым кардиналом» в польском эмигрантском правительстве и доверенным лицом англичан — пытался любым способом пробить стену равнодушия. Пожалуй, на Британских островах не осталось ни одного более или менее влиятельного политика, к которому он не попытался бы обратиться. И в ответ слышал все ту же песню: только скорейшее окончание войны может помочь евреям, значит, надо наращивать военные усилия. Посол Энтони Дриксел-Биддл заявил, что даже если удастся спасти какое-то число евреев, то потребуется согласие Конгресса США на их въезд в США, так как в американском законодательстве предусмотрен определенный лимит для эмигрантов из Европы. А лорд Селборн, которому правительство Его Величества поручило заниматься движением сопротивления в оккупированных странах, забеспокоился, как будет реагировать общественное мнение после войны, когда станет известно, что на деньги, которыми евреи будут пытаться подкупить немцев, гитлеровцы купят оборудование и сырье в нейтральных государствах.

А когда речь заходила о Польше, то все, как один, включая министра иностранных дел Идена, сводили разговор к необходимости тесного взаимодействия с СССР. Эта и только эта мысль была обычно главной на каждой аудиенции.

Карский все чаще подумывал о возвращении в Польшу, ибо понимал, что больше он здесь ничего сделать не сможет. Но это было нереально: с визитной карточкой в виде шрамов на запястьях он немедленно был бы разоблачен. Катынь и отношение к этому трагическому открытию британских властей переполнили чашу терпения. Горечи в эту чашу добавило самоубийство представителя «Бунда» в Национальном совете [заменившем в изгнании парламент] Шмуля Зигельбайма, покончившего с собой в знак протеста против равнодушного отношения во всем мире к геноциду евреев.

И тогда генерала Сикорского осенила идея, которая снова призвала к действию Карского: он получил предложение отправиться в другое полушарие.

6

Ян Цехановский, посол Польши в США, опытный дипломат, прекрасно разбирающийся в американских отношениях, взял на себя инициативу во всем, что собирался предпринять в Америке приехавший эмиссар. Список предполагаемых собеседников был довольно длинным и подготовлен весьма тщательно. Не была пропущена ни одна ступенька в персональной иерархии, способная помочь в решении все более усложнявшегося польского вопроса на международной арене. Венцом миссии Карского в Америке должна была стать планировавшаяся аудиенция у самого Рузвельта.

Начались переговоры, проходившие в соответствии с четко разработанным сценарием: информация о положении в оккупированной стране, описание геноцида евреев, без замалчивания самых страшных подробностей, наконец, попытки найти формы оказания помощи. Все это в весьма сжатом изложении — ведь у собеседников время, как правило, было лимитировано.

Но обстоятельства и тут как будто сговорились против Польши. Чуть не вся Америка была в восторге от «дяди Джо» и его Красной армии, которая непрерывно продвигалась вперед. Кроме того, мысли американцев были обращены к войне с Японией, ведь тихоокеанский фронт был для них столь же важен, как и война в Европе. Карского выслушивали гражданские сановники и военные чины, молиться за Польшу клялись епископы и кардиналы. Все сочувственно кивали головами, произносили банальные комплименты по адресу «мужественного польского народа» и украдкой посматривали на часы.

Ключом к пониманию той позиции, которой придеоживалась часть европейской общественности в Штатах, может служить признание раввина Стивена Уайза, президента американского Еврейского конгресса. Немецкий план «решения еврейского вопроса» стал известен еще в августе 1942 года. Он попал в Америку через швейцарскую организацию. Тревожный сигнал о тотальном геноциде был направлен в Государственный департамент. И тогда Самнер Уэллс, ведущая фигура в американской политике, немедленно наложил запрет на разглашение этой информации. Аргумент был только один: США должны как можно скорее и с наименьшими потерями выиграть войну. Все, что может помешать достижению этой высшей цели, должно быть отвергнуто. А еврейский вопрос был особенно трудным: никакой концепции спасения евреев не существовало.

У Карского оставалась последняя надежда — аудиенция у Рузвельта.

7

«Сидящий за большим письменным столом, на фоне скрещенных звездно-полосатых флагов, он выглядел настоящим властелином мира. И по существу он им был. Его окружали клубы дыма из длинного мундштука. Прошло немало времени, прежде чем мне удалось справиться с волнением», — спустя много лет вспоминал Карский.

Президент слушал посланца из Польши с величайшим вниманием, а осмелевший Карский старался до конца использовать этот неповторимый шанс. В противоположность встречам с предыдущими собеседниками, тут Карскому казалось, что у него неограниченный запас времени.

Наряду с вопросами принципиального характера, такими, как структура и организация подпольного государства, настроения среди поляков после смерти Сикорского, вооруженные акции Армии Крайовой или террор оккупантов, Рузвельт задавал также вопросы скорее проходного характера. Реквизиру-

ют ли в деревне коней и скот? Берут ли взятки оккупационные власти? Обильные ли снегопады в Польше? Наконец, с невероятной легкостью он прошелся по узловым для Польши проблемам. Вопрос границ должен быть определенным образом скорректирован в пользу русских, которые несут самое тяжкое бремя в этой войне. Эти потери будут компенсированы за счет больших площадей плодородной земли на западе. Вопроса помочи евреям он коснулся коротко, избегая каких-либо обязательств. А потом пошли уже только обещания. Невероятное количество обещаний. Они касались буквально каждого направления в экономике и политике.

— Поможем. Поможем во всем. Мы про вас не забудем. Вы стали образцом героизма, примером для других. Мир этого не забудет, — словоохотливо уверял президент на прощанье.

Какая же сила убеждения была в его голосе, если Карский под ее воздействием пытился к дверям? И только когда он оказался перед Белым домом, очарованный услышанным, явно окрыленный возрождающейся надеждой, к действительности его вернул трезвый голос Цехановского: «Посмотрим, Ян, посмотрим».

8

Выполнив свою миссию и представив подробный доклад, Карский стал настаивать на том, чтобы вернуться в Польшу. Но немецкая разведка работала четко: о его деятельности немцы знали даже чересчур много, а особая примета дополнительно облегчала им задачу. Тогда он выдвинул другое предложение — иди в армию. Но и это не встретило поддержки: слишком много ценного опыта он накопил, чтобы надевать на него мундир. Карский искал другие решения и в конце концов нашел: он вернулся в США и сел за описание того, что сам пережил. Так возникла знаменитая книга под названием «История подпольного государства» (на английском), тираж которой вскоре достиг 360 тыс. экземпляров, что произвело настоящий фурор в западном полушарии.

Карский стал одним из многих политэмигрантов. Он поселился в США и продолжил образование. Новые ученые звания он получал в Джорджтаунском университете штата Вашингтон, там же стал профессором политологии. Он оставался человеком необычайно скромным, и лишь через тридцать лет после окончания войны его отыскал в Соединенных Штатах Эли Визель, один из инициаторов движения за увековечивание памяти о Катастрофе. Он спросил Карского с величайшим удивлением: «Так Вы *тот самый Карский?*» И только Эли Визель рассказал миру об этом необыкновенном человеке. С тех пор бывший эмиссар стал известной личностью.

Шли годы. В Польше произошли политические перемены, тоталитарный строй рухнул, и Карский смог наконец, в любое время, посещать родную страну. Он никогда не пропускал и теперь не пропускает ни одной возможности резко выступить против антисемитизма, расизма и любой ксенофобии. Он враг коммунизма, но не русского народа, дружеские отношения с которым считает одним из главных элементов государственной политики Польши.

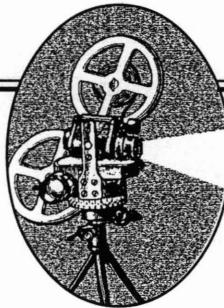
В интервью, которое Карский дал автору данной статьи, помещенном в ведущем католическом издании «Тыгодник повишенный», Карский сказал горькие слова: «Народ беден, измучен, платил за войну, теперь платит за реформы, в значительной мере дезориентирован. Из того, что я пережил, из того, что я видел во время войны, я сделал прежде всего, такой вывод: нет ничего важнее, чем поднимать жизненный уровень людей, чтобы у них было больше квартир, чтобы они могли расти и учить детей, чтобы они хоть понемногу поднимались вверх, ведь пока что мы в самом низу... Во время войны я был глуп, тогда не было времени на размышления. Я отдавал родине все, что во мне было лучшего. Теперь пришло время размышлять...»

Увенчанием деятельности Яна Карского, одного из самых мужественных из ныне живущих поляков, стала торжественно врученная ему президентом Александром Квасневским высшая награда польского государства — орден Белого Орла.

Ежи Корчак (1927). Автор романов, рассказов и исторических очерков, связанных, главным образом, со Второй мировой войной, в которой он, юношей, активно участвовал. О Яне Карским написал книгу «Миссия последней надежды».

ГОВОРИТ ВАЙДА

Беседа с Ириной Завишей

ГОВОРИТ ВАЙДА

Беседа с Ириной Завишей

Каждый из фильмов Вайды, за малыми исключениями, становился событием в культурной жизни Польши. А нередко и в политической. Достаточно вспомнить «Пепел и алмаз», «Землю обетованную», «Человека из железа», «Пейзаж после битвы». Трудно было бы перечислить все фестивали, на которых его фильмы получили международное признание.

На встрече в Варшавском университете Анджей Вайда делился своими размышлениями на многие темы, связанные с литературой и кино. Например, о том, как обстоят дела с универсализмом польской романтической литературы и с пресловутой польской провинциальностью. Что в действительности провинциально, а что универсально? Почему некоторые польские произведения понятны всему остальному миру, в то время как другие — лишь жителям той страны, где они были созданы? Действительно ли польский романтизм закрыт эмоциональному восприятию других народов?

В наше время всеобъемлющего скептицизма Анджей Вайда по-прежнему остается одним из немногих авторитетов, к чьему мнению внимательно прислушиваются. Приглашение выступить в цикле научно-философских семинаров в одном ряду с маститыми учеными — историками, философами и социологами, а также переполненный до отказа лекционный зал НИИ философских проблем при Варшавском университете — лучшее тому подтверждение.

Анджей Вайда: — *Я надеюсь, что вы не ожидаете от меня речи, достойной стен факультета философии, в которых мы сейчас с вами находимся. Ведь я всего лишь простой режиссер (смех в зале), который старается понять этот мир и то, что пишут о нем польские классики.*

Итак, действительно ли польский романтизм в искусстве остается полностью закрытым для чужих? Рассматривая этот вопрос, я, естественно, не принимаю во внимание языковой аспект. Безусловно, переводы любых произведений на другой язык не передают всех тонкостей оригинала, но сложность перевода польской классической литературы, как мне кажется, вряд ли может служить препятствием к пониманию и восприятию ее в других странах. Видимо, есть какая-то другая причина тому, почему, например, американские режиссеры не ставят «Свадьбу» Выспянского, а «Дзяды» Мицкевича не идут на международной сцене так широко, как пьесы Шекспира. Можно предположить, что Польшу по-прежнему считают в мире страной провинциальной... Но если есть провинция, то где-то должен быть центр! А где этот центр? Там, где размах и сила? Или, может быть там, где разум? Можно было бы приводить множество исторических примеров, начиная с Древней Греции, когда небольшая по территории и численности населения страна концентрировала в себе мощный духовный заряд и становилась центром распространения идей и духовных течений и одновременно центром их притяжения извне. Но хотелось бы обратиться к более поздним временам, к нашей недавней истории. Что с того, что Польша при социализме зависела от Советского Союза? Когда мы, польские режиссеры, приезжали туда, мои советские коллеги обычно говорили нам с завистью: «Ну, конечно, вы там в Польше можете делать всё, у вас там свобода, Европа...» Значит, тогда для них мы были центром. То есть, по моему мнению, тем местом, где формируются собственные, независимые от официальной идеологии взгляды и отстаивается свобода на их выражение. И для Запада мы были таким же «центром» внутри соцлагеря. Что же происходит сегодня? Во-первых, когда мы говорим о произведениях польской литературы и кинематографа, базирующихся на историческом материале, на событиях нашей истории, сразу надо

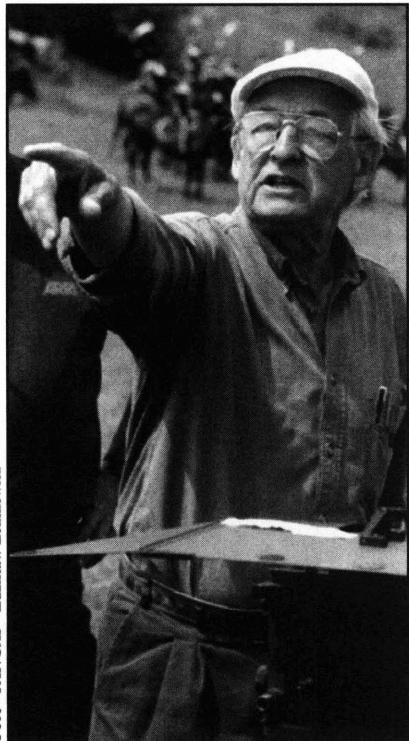

Фото - PAP/CAF - Zdzislaw Lenkiewicz

принимать во внимание тот факт, что подробности истории Польши не так хорошо известны в мире, как история более крупных стран. Во-вторых, наша национальная мифология, наша духовная символика тоже малоизвестны, поскольку они, так сказать, «слишком наши». Чтобы не быть голословным и немного вас позабавить, расскажу о случае, произошедшем во время гастролей театра Конрада Свинарского в Вильнюсе. В одном из спектаклей, по замыслу режиссера, должны были участвовать живые куры. Каким-то образом получилось, что реквизитор в контейнер с курами посадил петуха, ранее на сцене не бывавшего. Во время первого спектакля на открытии гастролей, как только раздвинулся занавес, не привыкший к такой обстановке петух, вдруг выпорхнул из-за кулис и уселся на авансцене. А поскольку на сцене вдобавок царила полутьма, зрители, среди которых было много живущих в Литве поляков, увидели только силуэт птицы. И вдруг по залу раздались возгласы восхищения: «Орел! Орел!»... Литовские зрители знали польскую патриотическую символику, и обыкновенный петух показался им польским Белым Орлом, поскольку они были уверены, что в спектакле такого режиссера, как Свинарский, должна быть польская символика. Я рассказал вам этот курьезный случай, чтобы еще раз подтвердить огромную роль символики в польском искусстве. Но в большинстве случаев она бывает понятна только полякам. Прекрасная для нас с вами, поляков, особенность польского искусства таит в себе некоторую опасность ограниченности. Если художник пользуется национальной символикой как главным выразительным средством, он рискует быть понятым только в своей среде.

Тем не менее, я вспоминаю одну из своих давних поездок в Париж, где меня познакомили с известным американским кинорежиссером, и он сказал при встрече: «Вайда? Знаю, знаю... Я видел ваш фильм, там еще действие происходит ночью, и все танцуют. К сожалению, название забыл...» Я стал мучительно перебирать в памяти, где это у меня все ночью танцуют, и вдруг вспомнил: «Свадьба» по Выспянскому. «Точно! — воскликнул американец, — я все ждал случая спросить, где вы нашли такого отличного сценариста?» Значит, это очень польское, классическое произведение затронуло в нем какую-то струнку... Следовательно, можно сделать простой вывод, что то или иное произведение может все-таки стать универсальным, независимо от того, насколько оно национально. Восхищаясь фильмами Бергмана и Феллини, мы, скорее всего, не до конца понимаем символику этих шедевров, зато чувствуем и понимаем универсальный язык человеческих страстей, мотивацию поступков героев. Может, мы просто недостаточно популяризируем произведения польского романтизма за границей? Ведь Феллини, Бергман, Кurosава и другие режиссеры учились по сути дела в той же школе, что и мы, — школе универсальных ценностей мировой культуры. Но тут я должен поделиться одним наблюдением, очень, на мой взгляд, существенным. В лучших своих произведениях как польские, так и зарубежные мастера, не отказываясь от национальной символики, все же на первое место ставили человека, его внутренний мир. Секрет в том, как этот мир представить, не заслоняя самое важное символикой, историческими и географическими подробностями. Поэтому так универсальны произведения Достоевского, написанные в жанре уголовных романов из жизни жителей Петербурга. Поэтому я, поляк, знаю и помню, по какому именно адресу жил в Петербурге Родион Раскольников, и, приезжая в этот город, всегда иду к дому по этому адресу, прекрасно понимая, что на самом деле Раскольников никогда

там не жил, ибо он лишь плод воображения автора. Но что-то заставляет меня идти именно к нему... Почему же польский кинематограф в такой большой степени пользовался символикой — национальной и исторической? Надо заметить, что самого Анджея Вайду неоднократно упрекали в излишнем символизме его фильмов. Вот как он об этом вспоминает.

— Эти упреки по адресу моих фильмов повторялись довольно часто. Некоторые считали, что обилие, как им казалось, символовических кадров заслоняет суть происходящего на экране и что за границей никто этого не поймет. Особенно мне досталось за «Канал» и «Пепел и алмаз». Но я могу сказать, что именно поняли зарубежные зрители, посмотрев картину «Канал». То, что в истории Польши был какой-то очень трагический момент, если люди были вынуждены скрываться в подземных каналах. Значит, наверху происходило нечто ужасное... И это поняли абсолютно везде, независимо от широты познаний в области польской и вообще европейской истории. Любовь, измена, героизм, предательство — это категории, понятные всем. И если речь ведется именно в этих категориях, то рассказ о таком локальном в мировом масштабе (хоть и очень важном для нас) событии, как Варшавское восстание, становится универсальным. Это путь, которым я пытаюсь идти, чтобы быть понятым, — я пытаюсь найти этот универсальный язык. Но этим языком я хочу говорить о нас, поляках, о нашей истории, о наших переживаниях. Ну и пора объяснить, почему авторы польских произведений так обильно пользуются символикой. Это исторически сложившаяся традиция. В Польше долгие годы чувствовалось давление цензуры, многие вещи просто нельзя было говорить напрямую. Цензура в первую очередь преследует слово, потому что каждая идея первоначально обретает именно словесную форму. Слово легче всего вычеркнуть из литературного произведения или вырезать из фильма, физически вырезать ножницами те или иные реплики героев. Но, пользуясь языком символов, можно привести цензора в недоумение и растерянность, в такое состояние, когда он усомнится, надо ли вырезать кадр.

Приведу пример из моего фильма «Пепел и алмаз». В последнем кадре герой умирает на свалке... Цензор сказал мне: «Вот, человек поднял руку на народную власть и за это умирает на свалке. Отлично!» В свою очередь, зрители, которые смотрели этот фильм, говорили, что этот кадр вызывал у них совершенно другие мысли: «В какой же стране, в какой системе мы живем, если такие замечательные парни гибнут на свалке?» Именно благодаря символике последнего кадра он приобрел такую двусмысленность, что удовлетворил и цензоров, и самых ярых диссидентов. На эту двусмысленность опирались многие польские фильмы и спектакли. Правда, некоторые авторы становились ее жертвами, в частности упомянутый мною замечательный режиссер Конрад Свинарский.

Вопрос из зала: — **Не опасаетесь ли вы, что ваш новый фильм «Пан Тадеуш» не будет понят за границей даже частично?**

— Возможно, кто-то посчитает мои слова крамольными, но разве в искусстве всё всегда должно быть понятно? Да, может быть, наш художественный язык, наши символы, наши национальные святыни остаются только нашими. Но ведь и мы, смею вас уверить, не в полной мере понимаем, например, Шекспира. Мы радуемся, когда видим удачную постановку его произведений по-польски. Но наверняка до нас не доходит вся глубина, скрытая в оригинале. Думаю, что даже в содержании многих зарубежных романов, пьес, фильмов мы не всегда понимаем некоторые вещи. Но они от этого не становятся хуже. Так же, я думаю, выглядит дело и с «Паном Тадеушем». Ко мне снова цепляются скептики, упрекающие меня в том, что этот фильм «слишком польский». Но я не снимаю фильмы специально для заграницы, для публики, которую я не знаю, — я просто ищу к ней пути, но об этом я уже говорил. Когда я снимал «Пана Тадеуша», мне и в голову не приходило думать, понравится ли он американским, немецким, французским или каким-то другим зрителям. Я хотел пообщаться с теми зрителями, которые в состоянии понять меня целиком, то есть в первую очередь с моими соотечественниками.

Вопрос из зала: — **Что вами двигало, когда вы взялись за экранизацию поэмы Мицкевича?**

— Я сам тоже ведь в некотором роде кинозритель, и каждый мой замысел начинается с размышлений о том, какой именно фильм мне как польскому зрителю хотелось бы посмотреть. Этот вопрос я, прежде всего, задаю себе, потом своим друзьям. Мне лично хотелось увидеть «Пана Тадеуша» на экране, услышать красивую польскую речь, увидеть красивые пейзажи, красивых, довольных своей жизнью людей, которые хоть и жили давным-давно, но при этом имеют все характерные черты, присущие современным полякам: и нашу смешную заносчивость, и нашу, порой необъяснимую наивность, и нашу горячность. Люди просто живут, влюбляются, едят, пьют, вспоминают, надеются на лучшее. А поэт смотрит на них с высоты птичьего полета и будто бы говорит: «Я люблю вас со всеми вашими недостатками...» Вот и всё. В этом я вижу универсальность «очень польской» поэмы Мицкевича и моего фильма. Если это примут не только польские зрители, я буду рад.

Вопрос из зала: Какие темы и проблемы вы хотели бы затронуть в своих следующих фильмах?

— Я хотел бы снять фильм о современности, о том, что происходит сегодня. Хотя именно на этот вопрос труднее всего ответить: а что же происходит сегодня? Наверняка не то, что я вижу в большинстве нынешних польских фильмов. Мне не хочется критиковать моих коллег, ведь я такой же растерявшийся кинорежиссер, как и они. И если бы я знал ответ на этот мучащий меня вопрос, то просто снял бы фильм о современной Польше. Но зато я точно знаю, о чем я не хочу снимать фильм: о мафии, о бизнесменах, о проблемах молодежи... Это все очень модные нынче темы, но, мне кажется, загадка и болевые точки сегодняшнего дня в другом.

Можно было бы пойти в таком направлении: что с нами произошло, кем мы сегодня стали, как нам теперь себя называть? Я не могу поверить, что свобода принесла нам только трудности, отчаяние и разгул преступности. Когда я смотрю наши телепередачи или кинофильмы, где творится невесть что, я ловлю себя на мысли, которая приходит в голову, наверное, любому зрителю: «А может, не стоило ради всего этого стараться?..» Мне хотелось бы сказать людям: неправда! Стоило! Потому что свобода — это самая главная ценность, в свободе есть красота и сила, нужно только увидеть их, вернее, захотеть увидеть. Свобода несет в себе колossalные возможности, пусть и не все люди умеют их использовать. Вот об этом, если удастся, мне хотелось бы поговорить с моими зрителями.

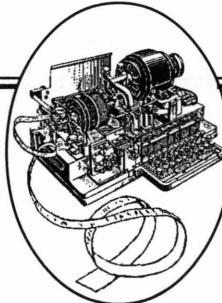
Вопрос из зала: — Ваш фильм «Пан Тадеуш» выдвинут на соискание «Оскара». Как вы оцениваете свои шансы?

— На протяжении многих лет один человек в своих молитвах обращался к Богу с одной и той же просьбой: «Господи, сделай так, чтобы я выиграл в лотерею миллион долларов!» В конце концов, Господь не вытерпел и воскликнул: «Несчастный! Да купи же наконец билет!» Признаться откровенно, я не льщу себя большими надеждами. Но билет купил. На всякий случай.

Похоже, что такая вещь, как предчувствие, действительно существует. На следующее утро варшавская «Газета выборчая» сообщила, что, по сведениям, просочившимся из-за закрытых дверей кабинета, за которыми заседал совет директоров Американской киноакадемии, в категории «за творческие достижения и выдающийся вклад в мировой кинематограф» премия «Оскар» присуждена Анджею Вайде. Ликовение по этому поводу в Польше началось сразу же, даже несмотря на отсутствие такой малости, как официальное сообщение киноакадемии. Телефон Вайды буквально разрывался от звонков знакомых и незнакомых ему людей. Ежедневно почтальон приносил килограммы поздравительных телеграмм. Позже, отвечая на вопросы журналистов о причинах такой бурной реакции со стороны соотечественников на его награждение, Анджей Вайда признался, что, видимо, полякам эта награда была необходима больше, чем ему самому. За свою долгую жизнь в искусстве Вайду выдвигался на «Оскара» неоднократно. Поистине, эта награда была долгожданной не только для самого режиссера, но и для всех ценителей его творчества. Хотя Вайда и без «Оскара» Вайда...

Виктор Кулерский

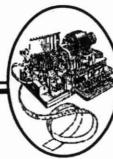
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- По прогнозу Европейской комиссии, экономический рост в Польше в 2000 г. составит 5,1%, инфляция — 6%, дефицит текущего счета повысится до 8,1% валового национального продукта. (*«Газета выборчая», 21 янв.*)
- «Прогноз на 2000 год: быстрый экономический рост, но и рост безработицы. На следующие годы: неизбежные сокращения социальных расходов или глубокий финансовый кризис». Витольд Гадомский (*«Газета выборчая», 19 янв.*)
- «Каждый третий поляк считает, что положение в стране меняется к лучшему (...) Месяц назад только четверть респондентов Центра Исследования Общественного Мнения была уверена, что дела идут к лучшему». (*ПАП*)
- «Организованная преступность, создав механизмы коррупции государственных и муниципальных чиновников, парализуя органы расследования, прокуратуры и судов с участием адвокатуры, угрожает основам демократического правового государства. Я ставлю драматический вопрос: насколько польский законодатель сознает степень этой угрозы?» Проф. Витольд Кулеша, директор Лаборатории уголовного материального права Лодзинского университета (*«Газета выборчая», 29-30 янв.*)
- «...я часто наблюдаю (...) склонность занимать все должности своими людьми, не всегда самыми лучшими (...) Клиентелизм — в Польше исключительно опасное явление. Оно прямо ведет к загниванию государства (...) Необходимо государственное оздоровление, борьба с кумовством и коррупцией». Тадеуш Мазовецкий, бывший премьер-министр (*«Газета выборчая», 29-30 янв.*)
- «Католическая церковь в Польше боится говорить о трудовой этике. Она говорит о трансцендентном, а не о том, что коррупция, блат — это грех». Тадеуш Сирийчик, министр транспорта (*«Жечпосполита», 20-30 янв.*)
- Польша становится все более степной страной. Это единственная страна в Европе, которой грозит засуха на значительной части территории» (*«Жечпосполита», 26 янв.*)
- «Экология — это не только материальная, но и духовная, даже богословская проблема. Бог, согласно Книге Бытия, сотворил вселенную и на вершину ее возвел человека, чтобы тот берег сотворенный мир и заботился о нем, а не эксплуатировал и уничтожал». Патриарх Константинопольский Варфоломей I (*«Газета выборчая», 26 янв.*)
- Свыше 30 польских информатических фирм экспортируют программы и обслуживание в разные страны, в т.ч. в Австрию, Бельгию, Германию, Нидерланды, Финляндию, Францию, Швейцарию. (*«Жечпосполита», 17 янв.*)
- Премьер-министр РП Ежи Бузек: «В Польше по сравнению с США зарегистрировано небольшое число патентов, но все равно больше, чем во всей Африке» (*«Жечпосполита», 11 янв.*)
- Премьер-министр РП Ежи Бузек вручил серебряную медаль «Эврика-99» экстрасенсу, за его проект дома — «пирамиды счастья». Советник премьера по делам экономики разъяснил, что экстрасенс награжден за «оригинальную конструкцию здания», а не за свои чудодейственные способности. (*«Газета выборчая», 14 янв.*)
- Бывший премьер-министр Нидерландов Руд Любберс о поляках: «У нас ценят ваш героизм и вашу эмоциональность. Это соединение мужских и женских свойств, — любопытная комбинация (...) Зато мы, голландцы, не понимаем вашей политической жизни, — такой она выглядит запутанной (...) Когда-то мне казалось, что я понимаю Польшу, но сегодня вижу, что ошибался. Я восхищаюсь поляками, но не понимаю их». (*«Газета выборчая», 8-9 янв.*)
- Повышение зарплаты на убыточных государственных предприятиях и в компаниях с государств-

венным участием в 1999 г. составило в сумме 117 млн. злотых. (*«Жечпостолита», 15-16 янв.*)

● В Польше на душу населения производится свыше 1500 кг отходов, в Германии — 1021. В Польше 99,5% отходов идут на свалку, в Германии — 20%. «Терриконы мусора заграждают Польше путь в Европейский союз, ибо нет надежды на то, что мы сумеем соответствовать европейским требованиям». (*«Впрост», 16 янв.*)

● В связи с необходимостью привести законы и предписания в соответствие с требованиями ЕС, Польша предусматривает расторжение договоров о безвизовом въезде с 15 государствами, в т.ч. с республиками бывшей Югославии и бывшего СССР, Болгарией, Румынией, Кубой и Монголией. (*«Жечпостолита», 12 янв.*)

● По нормам ЕС, один миллилитр молока может содержать 100 тыс. бактерий. В 70% молока, заготавливаемого в Польше, бактерий больше. Сколько? Неизвестно. (*«Газета выборча», 11 янв.*)

● 1 декабря 1978 г. Яцек Сташелис заказал в одежной фирме «Отис» лыжный утеплитель. Через 21 год, 13 декабря 1999 г., пришло извещение, что заказ Сташелиса выполнен и он может получить свой утеплитель. (*«Жечпостолита», 7 янв.*)

● Пятая часть оборота 450 тыс. магазинов в Польше приходится на полторы тысячи супер- и гипермаркетов. (*По данным Главного статистического управления*)

● «В начале 90-х годов начались протесты мелких коммерсантов против [дешевых] гипермаркетов. Они борются этим путем за свое существование. (...) Коммерсанты приобретают все большее влияние в органах самоуправления и используют их для борьбы с конкурентами. Иногда согласие организации коммерсантов на размещение нового объекта, не обязательно торгового, дает случай выжать из инвестора дань, исчисляемую в сотнях тысяч, а то и в миллионах злотых». (*«Впрост», 16 янв.*)

● «Вознаграждение муниципальным советникам было задумано с тем, чтобы вернуть им потерянный заработок, дневную оплату труда. А потом группа людей начала черпать отсюда чрезмерную выгоду», — такую оценку дал замминистра внутренних дел и администрации Юзеф Пласконка,

причем «согласился с тем, что высокие заработки некоторых членов органов самоуправления возмутительны. Он напомнил, что решения по этим вопросам принимают советы, выбранные жителями». (*«Жечпостолита», 22-23 янв.*)

● По оценке Верховной контрольной палаты, при установлении вознаграждений членам правлений органов самоуправления «встречаются существенные неправильности», и эти органы используют «плохо сформулированные предписания». Самое высокое вознаграждение в органах самоуправления, обнаруженное проверкой палаты, составляло почти 18 тыс. зл. в месяц (около 4500 долларов США). (*«Жечпостолита», 19 янв.*)

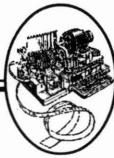
● 85-летний епископ Владислав Мизелек получает 707 зл. пенсии и признается, что без поддержки прихожан не мог бы себя содержать. (*«Жечпостолита», 16 — 17 янв.*)

● Сейм ограничил зарплату лиц на руководящих должностях в государственных предприятиях, акционерных обществах с преобладающим участием государства, больничных кассах и органах территориального самоуправления. Председатели даже самых крупных фирм теперь смогут зарабатывать самое большое 12, а не 40, как прежде, тысяч злотых. (*«Жечпостолита», 24 янв.*)

● 83% поляков — за всеобщие выборы вуйтов (сельских старост), бургомистров и президентов (мэров) городов. 71% опрошенных поддерживает предложение уменьшить число муниципальных советников на треть. По данным Лаборатории социальных исследований (*«Жечпостолита», 2 янв.*)

● После постановления Конституционного суда о том, что нельзя совмещать функции парламентария с должностями в управлении крупных городов отказались: от мандата депутата Сейма — Тадеуш Енджечак, президент Гожува, от мандата сенатора — Богдан Здроевский, президент Вроцлава, от поста президента Ченстоховы — депутат Эва Яник, от поста президента Щецина — сенатор Мариан Юрчик.

● Всепольский совет работников судебных органов и генеральный прокурор лишили права на отставку и связанное с этим денежное вознаграждение 39 судей, прокуроров, а также членов семей скончавшихся судей или прокуроров,

служивших в 1944-1956 гг. в органах госбезопасности и в военных трибуналах, на постах, связанных с применением репрессий за политическую деятельность, а также в НКВД и Наркомюсте СССР между 17 сентября 1939 и 31 декабря 1956 гг. («Жечпостоліта», 10 янв.)

● Президент Украины Леонид Кучма во время визита в Польшу: «Вы должны понять, что нам намного труднее порвать с коммунизмом чем, например, полякам. Вам невероятно повезло, что после Второй Мировой войны вам удалось сохранить частную собственность на землю, что у вас не было ни такого террора, ни такой изоляции, как у нас, что в Польше коммунизм продолжался не полных 50, а не 70 лет. Эти 20 лет разницы — как будто всего лишь одно поколение, но их оказалось достаточно, чтобы сегодня на Украине практически не было людей, которые помнят хоть что-то из того что было до коммунизма. Мы всему должны учиться заново». («Газета выборчая», 17 янв.)

● «Проблемы России вытекают из того, что у нее позади 70 лет разрушительной — как экономически, так и чисто биологически, — централистской системы. Искать единый рецепт в требованиях возвратиться к сильному государству — это хвататься за тот же самый яд (...) Не решена, в частности, одна из важнейших проблем: вопрос об объеме государственной власти и о различии регионального и местного, центрального и федерального». Зам. директора Центра восточных научных исследований Бартломей Сенкевич («Тыгодник повиехны», 30 янв.)

● Президент Александр Квасневский об и.о. президента РФ Владимире Путине: «Он представляет собой совершенно новое явление в России — приход к власти поколения сорокалетних. И это не только Путин, там и Кириенко, Чубайс, Шойгу, Немцов, Федоров, Гайдар и др. Это значит, что Россия будет управлять энергичные культурные люди, знающие мир и иностранные языки, связанные с различными влиятельными группами, люди, главной целью которых будет величие и сила России (...) Для Польши важнее всего соблюдение демократических процедур у нашего соседа. И они соблюдаются — вот что главное. Во-вторых, Польша желает иметь наилучшие отношения с Россией и ее демократическим руководством вне зависимо-

сти от того, кто лично в него входит». («Тыгодник повиехны», 16 янв.)

● Президент РП Александр Квасневский о президенте Белоруссии Александре Лукашенко: «Он принадлежит к тем людям, которые с глазу на глаз говорят одно, а делают другое. На пресс-конференции, прямо после встречи, он способен рассказать о событиях, которых не было, или в искаженном виде представить принятые решения. Рискованный партнер». (Там же).

● Президент РП Александр Квасневский о президенте Александре Квасневском: «Я родился на Западных землях, в доме, построенном в 1907 г. немцами в немецком городе (...) Поэтому, когда во время моего визита в Вильнюс предыдущий президент Литвы Бразускас показал мне дом моего деда на Антоколе и сказал, что в рамках приватизации я могу добиваться его возвращения, я без труда ответил: — Нет, моя малая родина не здесь, а в Бялогарде». (Там же).

● О выдворении российских дипломатов из Польши 21 января и ответной депортации польских дипломатов из России 22 января: «Последний инцидент — по сути дела серьезный удар по польскому МИДу, который издавна и весьма последовательно стремится к улучшению отношений с Москвой». («Жечпостоліта», 22-23 янв.)

● «Хватит склонять польских граждан деньгами к измене (...) Польша предлагает России лояльные и приличные отношения между современными государствами: сотрудничество и принятую в наше время прозрачность политической и экономической жизни. В этих отношениях уже не останется места обширным пространствам тайны». Министр иностранных дел РП Бронислав Геремек («Жечпостоліта», 25 янв.)

● «Российско-польская или польско-российская напряженность бессмысленна и может быть лишь кратковременной (...) разведка разведкой, шпионы шпионами, а жить надо (...) Если Россия захочет развиваться (...) ориентируясь на Европу, то, вне всякого сомнения, встретит понимание в Польше, так как польские интересы состоят в том, чтобы Россия двигалась именно в этом направлении». Станислав Чесек, бывший польский посол в Москве, советник президента по международным делам («Жечпостоліта», 21 янв.)

кропотливо, порой годами, правят их.

Кристина Курчаб-Редлих решилась написать книгу о России, прожив там девять лет. Именно прожив, а не пребывая. Одно дело «пребывать», то есть находиться в данном месте, оставаясь при этом эмоционально-нейтральным, и совсем другое «прожить» — ежедневно входить в дом с его малоприятными запахами, общаться с соседями, которые, случается, воруют... И еще это значит приюровиться к улицам. Смешаться с толпой. И в этой толпе отыскать, к примеру, Ларису, которая в кухне вдруг «застыла с тряпкой. Падает на стул. Каменеет», увидев в телепередаче фотографию Лили Брик на удостоверении ОГПУ. «Шок. Выходит, вся история романтической любви: Маяковский — Брик — это всего лишь агентурное задание?.. »

Или, к примеру, найти в толпе Надежду и художника Давида, дом которых полон произведений русского народного творчества. «Я должна была создать убежище, чтобы продержаться — объясняет Надежда репортеру. — Создать нечто такое, что как стена отделяло бы от того, что извне. И это сделано было всему вопреки... Жаль, что теперь народное искусство уже мало кого интересует».

К Ларисе и Надежде репортера привела интуиция — шестое чувство, которое велит ей остановиться, обратиться к человеку, завести разговор. Это третья особенность настоящего репортера — умение высмотреть, а вернее, почуять другого человека. Сперва заинтересовать

Дипломированный юрист Катя работает в цирке. Помогает дрессировщику кормить животных, подворовывая мясо у тигра. Отсутствие веры в себя прикрывает цинизмом, часто впадает в депрессию, утешение находит в алкоголе. Но будучи натурой тонкой и впечатлительной, надеется, что случайная встреча с заокеанским режиссером еще отзовется любовью.

У младшей Тани эмоции выплескиваются через край. Она верит во все — в приметы, символы, в собственные сказки. Бесконечно восторгается Джулай Робертс из «Pretty Woman» (в российском прокате — «Красотка») в роли проститутки, которой улыбнулось счастье. Отец сестер, отставной генерал, прослушав о бешеных гонорарах Барышникова, хочет из не способной к танцам девушки сделать «вторую Плисецкую», хотя и отдает себе отчет, что для этого нужны талант и деньги.

Вообще говоря, тема денег, а точнее долларов, красной нитью проходит через весь спектакль, образуя, как заметил на репетиции сам автор, «четвертую стихию». Есть, правда, еще одна «красная нить», обозначенная упомянутой в пьесе поговоркой: «Поляк — католик, русский — алкоголик, американец — наркоман». В «Четвертой сестре» пьют все от начала действия до финальной сцены, включая сиротуподростка Колю, которого приютил генерал. Из стаканов и из горла. Иногда запивая компотом. Разнообразие только в напитках: генерал и соседка-сверстница предпочитают водку, сестры — что под рукой, бизнесмен Костя — виски. Депутат Юрий тоже виски, только подчеркивает, что «Johnne Walker Black». То есть, любимое Бориса Николаевича. Пристрастия нового хозяина Кремля Владимира Путина автору, понятное дело, еще неведомы.

Для Тани «герой нашего времени» — бизнесмен Костя. Окончил МГУ, смотрит CNN, занимается аэробикой, пользуется e-mail, имеет доступ к Интернету. С утра в костюме, купил квартиру на Кутузовском, само собой — машину, завел мобильник. Только вот его хотят убрать. Другие бизнесмены. Она не понимает, почему даже сестры называют его бандитом: «Что за страна? Как только в России человек что-то делает, полон амбиций, воображения, хочет что-то изменить, вместо того, чтобы сидеть, пить и сетовать, то все на него набрасываются». Таня верит в денежного Костя, который спекулирует танками через генерала Шипуленко с таинственным партнером по имени Абдул. Но видно, молодой мафиози вовремя кому-то не отстегнул. Счетчик включен. И хотя титаническими усилиями деньги найдены, Костя убивают. По ошибке. Надо было водителя, прикарманившего долг. Таня остается в свадебном платье, но без жениха.

Самое время задаться вопросом: а кто же четвертая сестра? Искать долго не надо — это уже знакомый нам сирота Коля, который всегда был полезен для услуг, а теперь, переодевшись в женское платье и назвавшись Соней, снимается в главной роли документального фильма о малолетних проститутках «Дети Москвы». Режиссер фильма Джон Фриман получает «Оскара», а Соня-Коля подает сестрам надежду на лучшую жизнь. Всем сразу в Америку не выбраться, а вот снарядить за океан Колю по силам. Это удается. Тот же вскоре возвращается всего с одним чемоданом, да и то не своим: багаж перепутали. (В этот момент приходит на память, к чему привели перепутанные чемоданы в триллере Романа Полянского «На грани безумия». Но здесь все наоборот). Стоило чужой чемодан открыть, как ожидания сестер стали сбываться, словно по волшебству. Все начали слетаться, как мухи на мед. С цветами для Верочки и заверениями в любви прибежал Юрий Алексеевич. Со статуэткой «Оскара» и обещаниями развестись с женой, к Кате примчался Джон Фриман. Хеппи-энд? Не тут-то было.

Верочек приспичило рожать. Со сцены слышится плач ребенка. Доморощенная повитуха не может определить его пол. Но имя уже есть — Надежда. Вдруг гаснет свет и раздается очередь из «калашникова». И тишина. Соседка, оставшаяся в живых благодаря пулепробиваемому жилету (она стала рекламировать его после убийства сына Кости), объясняет зрителям, что порешил всех... новорожденный. Слишком много его мама Верочка смотрела американских фильмов. Младенца отправили в исправительный дом для новорожденных, предварительно подписав договор на его будущую книгу и продав права на фильм студии Диснея. Стихия рынка всосала и только что появившегося на свет.

В начале пьесы генерал Иван Петрович задается тремя вопросами: «Кто здесь правит? Где деньги? Как это закончится?» И добавляет к ним четвертый: «Как жить?» Первые три вопроса разрешимы. Только никто не может ответить на четвертый.

ГЕНЫ ВЛИЯНИЯ

Сразу после публикации «Четвертой сестры» польские критики взялись анализировать русский феномен в польской драматургии 90-х годов. Кто-то даже заметил, что в момент, когда вся польская культура устремилась на Запад, театр не порвал связей с Востоком. Начало, как известно, положил Славомир Мроежек. Еще будучи в эмиграции, в Мексике, он написал свое самое большое драматургическое произведение

его, втянуть в разговор, а потом раскрыть его. Не выслушать, что он может сказать или рассказать, а вслушаться в него. Отождествить себя с его судьбой, погрузиться в чужую биографию. И понять.

Понять, к примеру, Юру и Ольгу, которые «поддались уговорам бабки и открыто, шумно окрестились».

Или Татьяну, которая, утратив старую веру, обрела новую, — стала Свидетелем Иеговы. «Татьяна, — замечает Кристина Курчаб-Редлих, — это крупица, вмонтированная в чужую борьбу за господство над миром, тренирующаяся в идеологическом попирании своего».

А какой это мир?

«Мой знакомый, интеллигент, между прочим, глава важной комиссии при одной демократической партии, направляется с отверткой в коридор и от чего-то там откручивает недостающий винтик... Я цепенею от страха (вдруг соседи увидят?), а он преспокойно приворачивает украденное к моему. Ему и в голову не приходит, что этого можно стыдится».

Так какой это мир?

«Белая кошка застряла между крышей и водосточной трубой. Собравшиеся обсуждают, как ее вызволить оттуда. Парень на крыше слушает советы снизу... Слегка покачивается, что, верно, мешает ему слушать. Чтобы помочь кошке, надо быть акробатом. Он и есть акробат. Ложится на крышу, ногой цепляется за какой-то выступ и дотягивается до животного. Пожилая, плохо одетая женщина сует кошку за пазуху, скармливает ей мясо, предна-

значенное другим животным... И говорит что-то в рифму. Звучит красиво. — Простите, вы что-то сказали? „Это Есенин”, — объясняет тот, кто покачивался на крыше, — он уже слез оттуда. И продолжает прерванное женшиной стихотворение».

Кристина Курчаб-Редлих написала книгу о сегодняшней России, книгу, какой до сих пор у нас не было. О людях, запутавших в истории, запутавшихся в повседневности, неожиданно брошенных на искрящиеся неоном улицы. Это книга о России, в которой «реформы 90-х годов — словно помои из демократической кухни, внезапно выплеснутые через границы. Куски парламентского строя, свободы слова, рыночной экономики плавают тут в отбросах тоталитарной власти, в воровстве, преступности, в циничном презрении к народу, который в массе своей еще не дорос до общества, а остался демографической единицей в статистике». Это книга о России, в которой «надежда умирает последней, а русские дают ей мало шансов на летальный исход. Может, потому что тут друзья, как правило, в беде тебя не оставляют?.. Не выбирай дома, выбирай соседа, — говорят сибиряки... Другие любят повторять: Не имей сто рублей, а имей сто друзей... Молодые поют о любви. Пожилые о дружбе». Это книга о России, где «не принято приседать в реверансе и кланяться, где неизбежательно раскладывать на столе в строгом порядке стопки и столовые приборы, где говорят прямо, без обиняков, без приукрашивания»,

«Любовь в Крыму». Станислав Лем отзывался о нем как о прекрасной пьесе, пересказать которую невозможно: «настолько интересен в „Любви в Крыму” синтез российско-советских отношений».

Мрожек придавал огромное значение своей новой работе, в которой критика увидела реминисценции на темы Чехова, Тургенева, Булгакова, Бабеля... Когда Мрожек прилетел из-за океана в Краков, на репетиции Старого театра, я помчался туда для встречи с ним, которую мне помог организовать его друг Юзеф Опальский. Славомир Мрожек сразу мне сказал, что такой большой пьесы, как «Любовь в Крыму», он бы не написал, не будучи затворником. Я его спросил: «Сейчас все рассуждают о России. Вы не боитесь обвинений в конъюнктуре?» Мрожек ответил:

— Я прежде всего драматург и пишу для театра. Я специально Россией не занимаюсь, но выбрал ее потому, что почувствовал драматургический материал. Актуальность для меня не имеет значения, ведь театр не публицистика, главное — была бы пьеса хорошая. Зритель идет на спектакль в надежде, что он ему понравится.

Но если Славомир Мрожек в пьесе «Любовь в Крыму» и его последователи довольствовались цитатами из российской классики и историческими аллюзиями, то Януш Гловацик окунулся в самую гущу российской действительности, когда по горькому признанию одного из героев «Четвертой сестры», «распалась наша страна на куски, как будто ее собаки разорвали». Гловацик не представляет, как «Четвертая сестра» будет воспринята в Москве, но на всякий случай повторяет, что писал сатиру не на Россию, а вообще на конец века. Можно предположить, что автора подтолкнули к этому сюжету американские работодатели, для которых, по его словам, тема поляков, убегающих от военного положения, перестала быть модной. Им теперь подавай россиян, спасающихся бегством от мафии.

Как бы то ни было, но действие в пьесе происходит в Москве. Когда «вся Россия висит в воздухе вверх ногами, как на картине ненавистного депутату-антисемиту Марка Шагала». Из зрителем воспринимается не какой-нибудь Нью-Йорк, а именно Москва, где ее жителям за перевозку мебели надо отваливать по шестьсот зеленых, на каждом углу проститутки, роятся политические мракобесы, мафия разъезжает на мерсах, известный певец возглавляет бандитский клан, а киллеры запросто расхаживают среди бела дня, даже не скрывая «калашникова» под полами кожаного пальто. Время от времени слышится заунывшая русская песня.

Русский мат звучит в устах очаровательных польских актрис очень мило и, как в России, употребляется просто для связки слов. Только причем здесь польское пиво, которым с наслаждением оттягиваются герои «Четвертой сестры»?

Теперь со сцены можно и не намекать, а говорить открытым текстом. Что герои Гловацикого и делают. Но сегодня и зрителя не упрекнешь, что он боится сказать вслух то, о чем думает. Публика же все равно ходит в театр не только ради развлечения, а и найти подтверждение своим размышлением о жизни. И когда это происходит — контакт зала со сценой обеспечен. Особенно тогда, когда предчувствия зрителя совпадают с тем, что он видит и слышит. А видит и слышит он в этом спектакле почти то же самое, чего начитался в газетах и насмотрелся по телевизору. Правда, иногда возникает, казалось бы невероятное, но возможное только в театре. Когда подтверждается, что и вправду: сколько бы ты ни ходил в театр на один и тот же спектакль, всякий раз он будет другим. Потому что всякий раз другой зритель. На премьере «Четвертой сестры», на которой присутствовала отнюдь не инкогнито президентская пара в окружении известных политиков, зал чуть не захлебнулся при словах, изрекаемых с авансцены, да еще из уст Миши-киллера: «Мы передвигаемся как каждый интеллигентный человек только из резиденции к машине, а из машины к бутику. А как в театр — то с охраной». Разве в таких ситуациях поспоришь с тем, что «Театр — это жизнь!»

Упомянутый ежемесячник «Диалог» предупреждает россиян, что не следует видеть в новой пьесе Гловацикого синтезированное представление поляков об их стране: драматург не принимает близко к сердцу детали, а выстраивает фарсовый текст на общих стереотипах. И этими стереотипами забавляется.

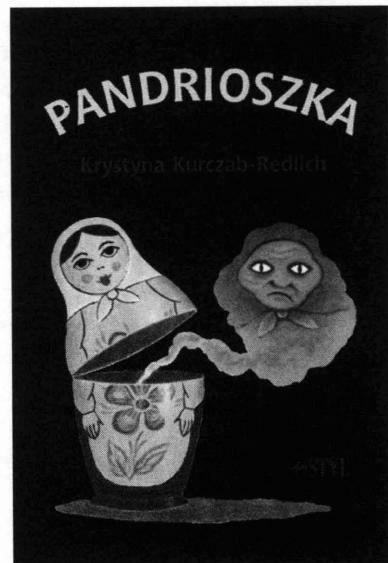
Зрителю это понравилось. Сам наблюдал. И вспоминал Славомира Мрожека, который заметил: «Опыт восприятия восточного соседа у меня, как у каждого поляка, приобретен с генами исторического влияния России».

Валерий Мастеров

Собственный корреспондент газеты «Московские новости» в Варшаве.

где «быт все еще на грани выживания, неприязнь есть неприязнь — без обтекаемости, без фальши; где неустанно проверяется на прочность канат, в конце которого — жизнь, твоя или того, другого... Где руку подаешь без колебаний, либо вообще ее не подаешь. Там, где власть и природа против тебя, человек подводить не может. И потому его «чем могу тебе помочь?» говорится не ради красного словца, это обязанность, которую он часто берет на себя. И не подведет...»

Кристина Курчаб-Редлик написала книгу о России, в которой «ничто не похоже на то же самое где-нибудь в другом месте».

*Автор так объясняет заглавие: „Настоящая современная матрешка — это снаружи веселая русская бабенка, изнутри же — ящик Пандоры — одни несчастья. Такая, вот, Матрешка-ПАНДРЕШКА”.

Гжегож Пшебинда

РОССИЯ ПРОТИВ РОССИИ ГЛАЗАМИ АЛЕКСАНДРА ЯНОВА

Гжегож Пшебинда

РОССИЯ ПРОТИВ РОССИИ ГЛАЗАМИ АЛЕКСАНДРА ЯНОВА

Александр Янов, автор обстоятельной и весьма содержательной книги «Россия против России. Очерки истории русского национализма. 1825–1921» (Новосибирск, «Сибирский хронограф», 1999), старается раскрыть и описать в действии главную движущую силу русской истории вышеупомянутого периода (с намеками на 1921–1999 гг.). Хотя, может быть, глагол «раскрыть» здесь и не вполне уместен, поскольку автор на самом деле ничего не ищет, заранее зная, что роковым двигателем российской истории новейшего периода является «великорусский национализм». Подобно Солженицыну, Янов считает самым пагубным событием в истории России XIX и XX столетий революцию 1917 года. Однако, в отличие от автора «Красного колеса», первопричину российской национальной катастрофы видит не в идеологии и деятельности «бесов-западников», а в воплотившихся в историю идеях «национального самодовольства» и «национального самообожания». Поэтому если для Солженицына кульмиационный пункт катастрофы — события «западнической» февральской революции, то для Янова такой же роковой апогей русской истории — большевистская революция, однако не как свершение русского европеизма, а как венец великорусского национализма... Такой вывод (а вернее, исходная точка, поскольку «антинационалистический» метод Янова — результат не столько исследования отечественной истории, сколько либерально-космополитического склада ума самого исследователя) выглядит неубедительно даже в глазах профессора Анджея де Лазари, самого либерального из польских историков русской мысли и известного противника всякого, не только русского, национализма. «В истории человечества, — пишет он, — [Янов] ищет силу, причиняющую зло, и находит ее в русском национа-

лизме. (...) Янов допускает характерную ошибку историософа, полагающего, что он открыл законы, управляющие историей, и обнаружил заговоры, влияющие на ее ход. Он не описывает исторические факты, а подчиняет их собственной теории, — разоблачает “русского дьявола”, исходя из тех же самых постулатов, на основании которых в России (и не только в России) разоблачают “дьявола Сиона”» (Идеи в России. Idee w Rosji. Ideas in Russia. Русско-польско-английский словарь. Под ред. Анджея де Лазари. Т. И. Лодзь, 1998, с. 486).

Однако, как представляется, упрек де Лазари справедлив только там, где говорится о погрешностях всякой историософии, старающейся раскрыть (в случае Янова — изобличить) один-единственный двигатель исторического процесса. С другой стороны, нельзя же серьезно упрекать Янова, рационалиста и либерала, в том, что его понимание русской истории есть лишь порочный результат антирусской настроенности, которую де Лазари считает «антисионизмом наизнанку». В отличие от антисионистов-романтиков любой национальности, Янов строит свою историософию на просвещенческо-гегелевском убеждении о примате рационального закона над всякими другими формами общественного бытия. И только с этой точки зрения он оценивает любую идею, когда бы то ни было возникавшую в России, и всякий отдельный факт новейшей русской истории. Янова, безусловно, можно упрекать в тенденциозном подборе фактов и в том, что он слишком много внимания уделяет миросозерцанию и общественно-политической деятельности русских националистов, забывая при этом о «достижениях» отечественных бесов-космополитов. И тем не менее, никак нельзя утверждать, что этих «националистических фактов» вообще не было в русской истории и что они

не повлияли на русские сердца, умы, наконец — на ход событий. Автор книги достаточно часто солидаризируется с мнением Владимира Соловьева, который хоть никогда и не сомневался в исторической значимости патриотизма, однако предвидел его роковое развитие в России. «Предложенная им формула, которую я называю “лестницей Соловьева”, — замечает Янов, — открытие столь же замечательное, я думаю, как периодическая таблица Менделеева. А по силе и смелости предвидения даже более поразительное. Вот как выглядит эта формула: “национальное самосознание — национальное самодовольство — национальное самообожание — национальное самоуничтожение”»... Вот драма патриотизма в имперской стране...

Как ни парадоксально это звучит в данном контексте, но, с формально-методологической точки зрения, Янов как историк идеи и интерпретатор русской истории идет и по следам Плеханова, которого называют отцом русского марксизма. В продолжение всей своей жизни он искал «сосуд святого Грааля», то есть, говоря его словами, тот первостепенный фактор, который с самого начала человеческой истории решающим образом влияет на ее ход и качественное развитие. В истории подспудно действует один фактор, который всегда определяет ход наиболее важных для данного общества событий. Этим фактором, как утверждал Плеханов, распространяя действие марксистского закона исторического развития на все народы и общества, было и остается стремление к развитию «производительных сил». В изложении Янова такой единственный фактор (хотя только по отношению к истории России начиная с 1825 г.) — стремление к национальной катастрофе; роль главного дирижера играет здесь великорусский национализм, опирающийся на романтическое убеждение о «самобытности России» и на нелепые стремления как власти, так и общества «отрезаться от Европы». Но если у Плеханова экономический «единственный фактор» — это залог будущего блаженства («прыжок из царства необходимости в царство свободы»), то у Янова подспудное действие «русской идеи» приводит к злокачественному полицайскому государству, созданному руками

большевиков-великороссов. Довольно легко заметить и различие между монистически-догматическими историософскими концепциями Плеханова и Янова. У первого определяющим фактором истории является материальная сфера экономики, у второго — духовная сфера идей. Не было, однако, на русской почве после смерти Плеханова ни одного мыслителя, который так страстно, как Янов, сводил бы весь исторический процесс к единственному общему знаменателю, зачастую пренебрегая очевидными фактами.

В чем же тогда заключается неоспоримое достоинство книги Янова, если не в ее всеохватывающем историософском монизме? Отвечая на это, я хочу привести одно из самых «проницательных» утверждений автора, которое он, по своему собственному мнению, заимствует у Антонио Грамши: «...идеи-мифы, раз запущенные в мир интеллектуалами-диссидентами, не только начинают жить собственной жизнью, — они заразительны. И в случае, если им удается “достичь фанатической, гранитной компактности культурных верований”, способны завоевать культурную элиту страны. Очень помогает идеи-мифу в ее борьбе с конкурентами за статус “гегемона”, если, первоначально возникшая в более развитой стране, вторгается она в местную игру (идеологических) комбинаций в стране менее развитой».

Как много рассуждали великороссы о счастливой молодости своего народа и страны! Все началось в конце XVIII столетия, с Фонвизина, который в 1778 году в одном из своих писем утверждал: «Если здесь [в Европе — Г.П.] прежде нас жить начали, то по крайней мере мы, начиная жить, можем дать себе такую форму, какую хотим, и избегнуть тех неудобств и зол, которое здесь вскоренились. Nous commençons et ils finissent». Я думаю, что тот, кто рождается, посчастливее того, кто умирает». В следующем столетии это неразумное мнение о «счастливой недоразвитости» России будут повторять как славянофилы, так и западники: Иван Киреевский, Владимир Одоевский, Петр Чаадаев, Александр Герцен... Янов, наоборот, справедливо считает, что эта «недоразвитая молодость» России имела роковые последствия в

мире идей, который, со своей стороны, повлиял на русскую историю. И здесь он только повторяет то, что на русской почве уже давно (в 1876 г.) высказал Достоевский: «Несоответственных идей у нас много, и они-то и придавливают. Идея вдруг падает у нас на человека, как огромный камень, и придавливает его наполовину, — и вот он под ним корчится, а освободиться не умеет». Не то же ли самое утверждал и Соловьев, когда писал в «Критике отвлеченных начал» об идеях, которые «поворгают мир человеческий в состояние умственного разлада», об «отвлеченных учениях, выработанных в ученых кабинетах и школах», которые «выходят на улицу и площадь и овладевают сознанием полуобразованной массы»? Достоевский как православный националист имел в виду «беса» атеистического революционерства; Соловьев, выступая с позиций христианского гуманизма, в равной мере отвергал и «беса» нигилизма, и «беса» национализма; Янов же, будучи либералом-агностиком, замечает только этого последнего. Кто здесь прав?

Я уверен, что Соловьев. Только ли по вине «славянофильского национализма», или, используя его остроумное выражение, «зоологического патриотизма» Россия четырежды на протяжении последних двухсот лет теряла шансы «присоединиться к человечеству»? Янов уверен, что так оно и было: 1) в 1825 гг., благодаря подавлению восстания декабристов; 2) между 1855 и 1863 гг., когда славянофильское презрение к демократии и частной собственности помешало проведению подлинной крестьянской реформы (сохранение губительного для отечественного хозяйства общинного владения землей) и созыву органа представительства, т.е. Государственной Думы; 3) в период 1906-1914 гг., когда великой реформе Витте и Столыпина помешала «патриотическая истерия» 1914 года; 4) в 1991 г., когда на смену коммунизму пришел лозунг о «геополитическом избранничестве» России, о котором вдруг заговорили национал-большевики — Эдуард Лимонов, Александр Дугин, Геннадий Зюганов. Если Дугин утверждает, что «Россия немыслима без империи», а потому «кто говорит geopolitika, тот говорит война», то Зюганов при-

бавляет: «Либо мы сумеем восстановить контроль над геополитическим сердцем мира, либо нас ждет колониальная будущность». Янов видит здесь роковую преемственность русской истории: «Отличаются ли эти наши “патриоты” от тех, кто привели страну к Катастрофе в июле 1914? Отличаются. Тем не давали покоя Сербия и Константинополь, этим — все та же Сербия и Севастополь. Есть, однако, и более серьезные признаки того, что снова “славянофильствует время”. Вот трое кандидатов в преемники Ельцину: Лужков, Лебедь и Зюганов — в точности, как “патриоты” 1908 года, снова требуют для России Константинополя, виноват, Севастополя. А четвертый, Черномырдин, заявляет вдруг публично, что “Россия не страна, а континент” (т.е., сам того не замечая, изъясняется на дугинском геополитическом диалекте)».

Для меня лично наиболее интересный и важный фрагмент книги Янова — глава, посвященная периоду реформ Александра II, впоследствии названного Царем-Освободителем. Вскоре после разгрома в Крымской войне и уни智力ного для России Парижского договора 1856 г. царь в присутствии представителей дворянства произнес речь, где впервые в истории России «высочайше» упоминалось о необходимости крестьянской реформы. Акт 19 февраля 1861 г., «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», касался барских крестьян, ситуация которых была самой что ни на есть тяжелой. 1 января 1864 г. было опубликовано «Положение о губернских и уездных учреждениях». Земства занимались просвещением, здравоохранением, сельским хозяйством, постройкой дорог и мостов, страхованием, статистикой. Огромное значение имела также судебная реформа 1864 года. Как известно, старый дореформенный суд в России считался не правосудием, а «кривосудием» (закрытые тайные заседания без участия сторон, произвол судей, взяточничество, тянившиеся целую вечность судебные процессы). Согласно новому указу, суды теряли сословный характер, делались равными для всех, заседания были открытыми. Уголовные дела рассматривали суды присяжных, в суде обязывал принцип равенства сторон, выступал прокурор, который

обвинял от имени государства, и адвокат, который действительно защищал подсудимого... Университетский устав 1863 г. возвращал автономию университетам, ограниченную Николаем I в 1835 году. С реформой школ связано возникновение начальных народных училищ... Наконец, в 1874 г. был издан манифест о введении всеобщей воинской повинности, независимо от социального происхождения. И еще — строительство железных дорог, индустриализация России... Герои Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева перемещались на перекладных — герои Достоевского, Толстого, Чехова уже довольно часто будут ездить по железным дорогам...

Ведь это и был момент, когда Россия присоединялась к человечеству, в значительно большей степени, чем во времена Петра I! Однако Янов обо всех этих воистину отрадных обстоятельствах почти не упоминает, его интересуют лишь причины исторической неудачи реформ Александра II. Поэтому в истории России 1861–1881 гг. он находит «бомбы громадной разрушительной силы», каждая из которых успешно мешала реформаторству: «архаическое самодержавие, ненависть сознательно ограбленного крестьянства и угнетенных империей народов». К этим трем «бомбам» он еще присоединяет две следующие: «грозный всплеск бешеного национализма, отчаянно толкавшего Россию к новой губительной войне [здесь речь идет о Балканской войне 1877–1878 гг.; тезис Янова таков: России и тогда, и сегодня нечего делать на Балканах, «славянская солидарность» — это пустой звук и пагубный миф. — Г.П.], и не менее грозная готовность радикалов превратить эту войну в гражданскую, используя и крестьянскую пугачевщину, и ненависть, накопленную подневольными нациями».

Однако, если считать период Александра II последней эпохой в истории России, когда еще можно было повернуть отечественную историю в сторону рационального европеизма, то действительно напрашивается вопрос: почему этот последний шанс был так глупо упущен? Здесь, как мне кажется, действительно сработала одна роковая взаимосвязь... Янов прав, когда ут-

верждает, что «Катастрофа 1917 года, — а вместе с нею и красной эпопеи, затянувшейся на три поколения и, словно топором, разрубившей на части весь мир, могло вообще не быть». Революции 1917 года действительно могло и не быть... Но здесь рациональному развитию России главным образом помешали не поздние славянофилы и не государственный балканский империализм, а максималисты-революционеры, которые и убили царя-реформатора, способствуя вступлению на престол Александра III. А после наступившей тогда эпохи «великой контрреформации» не смог уже спасти Россию ни манифест 17 октября 1905 г. Николая II, ни реформаторская деятельность Столыпина в 1906–1911 гг.

* * *

Хотя критики, бывает, упрекают Янова в историософском фатализме, согласно которому Россия обречена на geopolитический империализм, в сущности, он утверждает, что примеры Англии, Франции, Германии, Японии доказывают, что имперская болезнь излечима. Ничто не мешает и России отказаться от губительно-го прежде всего для нее самой имперского сознания и практики. Правда, того, что случилось, не исправить. Но история должна учить и воспитывать, — поэтому Янов заканчивает свою книгу призывом к согражданам, чтобы они не дали себя одурачить разными geopolитическими ретроспективными утопиями национал-большевиков и «бешеных патриотов»... Выход для России он видит в российском европеизме, а не в «свирапой враждебности к не существующему уже “Западу”». Такой вывод не может не возбудить симпатии польского историка идей, даже если он и не всегда согласуется с конкретными историческими утверждениями Янова.

Василий Щукин

АРШИНОМ ОБЩИМ НЕ ИЗМЕРИТЬ...

Василий Щукин

АРШИНОМ ОБЩИМ НЕ ИЗМЕРИТЬ...

«Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...» Эти строки из стихотворения Тютчева не раз и не два всерьез или иронически повторяли иностранные наблюдатели и исследователи, пытавшиеся разгадать загадку российского сфинкса, который, как иногда казалось, не подлежит законам разума. Однако в последнее время число авторов, сомневающихся в справедливости *первой* части тютчевского высказывания, неуклонно растет, и это весьма отрадно. Конечно же, Россия вполне доступна рациональному познанию, если, разумеется, не ограничивать его рамками, навязанными схоластической традицией западноевропейского аристотелизма, а несколько расширить само понятие разумности. Другое дело — *вторая* часть тютчевской формулы: с ней спорить трудно. Россия слишком неоднородна и внутренне противоречива, а потому даже самый большой, но тождественный самому себе исследовательский «аршин» для нее не годится. В свое время Анджей Дравич, один из лучших польских знатоков России, безвременно ушедший от нас два года назад, написал о ней замечательные слова: «Рискну, но все-таки скажу, что она не столько самобытна (не более самобытна, чем все остальные страны), сколько — банальная мысль! — огромна, а черты ее двоятся и троются, удивляя своей разнородностью, которая вполне соответствует ее колоссальным размерам». Нет, никакой это не «мир иной», не «нечеловеческая земля», не «тиранская цивилизация», как ее называли разные польские авторы XX столетия, а нормальная европейская страна, только большая и не поддающаяся однозначной оценке.

А коль скоро нельзя измерить Россию «общим аршином», то не лучше ли исследовать ее одновременно с разных точек зрения? Именно такую задачу поставил перед собой многонациональный и, надо сказать, в высшей степени разноголосый научный коллектив, состоящий из сорока одного автора. Эта группа, собравшаяся в Межотраслевой лаборатории советологических исследований, созданной в Лодзинском университете. Руководитель этой лаборатории профессор Анджей де Лазари, специалист по истории русской общественной мысли XIX и XX века, несколько лет назад выступил с весьма плодотворным проектом — составить трехязычный (русско-польско-английский) энциклопедический словарь, охватывающий все основные идеи, когда бы то ни было появлявшиеся в России. Словарь озаглавлен «Идеи в России» — идеи во множественном числе, что, как заявляет редакция во вступительной статье к первому тому, «отражает нашу открытость на многообразие русской интеллектуальной традиции, представляющейся нам гораздо богаче, чем стереотип “русской идеи”». Принятая авторами концепция словаря также означает, что в подобном издании должны быть представлены не столько философские концепции, сколько именно идеи, которые «носились» ранее и поныне «носятся» в российском духовном пространстве. Поэтому наряду с такими статьями, как, например, «Чаадаев», «Герцен» или «Аверинцев», появляются «Лишние люди», «Целомудрие», «Закон», «Фашизм русский» или даже «Балалайка», — именно как некие мифологемы, бытующие в культуре. Что же касается статей о конкретных философах или

мыслителях, то в них почти нет биографических данных: замысел был такой, чтобы всю статью посвятить изложению взглядов данного автора, основных положений его трудов. Благодаря своей трехъязычности, словарь адресован читателям не только в Польше, но также в России и в странах Запада, да и вообще всем, кто владеет английским или русским языком. Практически это выглядит так, что разворот двух страниц представляется собой четыре колонки: русскую, польскую, английскую и библиографическую, включающую в себя основные источники и литературу предмета по данной теме.

Весь многотомный словарь будет включать в себя, по прогнозам авторов, около 600 персональных и проблемных статей. Изданье задумано таким образом, что в каждом томе (а будет их четыре или пять) помещены статьи, заглавия которых начинаются на все буквы русского алфавита, от А до Я. В самом начале 1999 г. в книжных магазинах появился первый том, в конце сентября вышел из печати второй, а совсем недавно — и третий.

Дать оценку такому изданию — задача не из легких. С одной стороны, недостатки подобного рода изданий очевидны: кто-то из авторов чего-то не заметил, что-то пропустил, о чем-то важном забыл, позволил себе слишком произвольно истолковать классика-мыслителя или какую-либо из представленных «идей», а редакторы поленились или постыднялись привести все в надлежащий порядок. С другой же стороны, словарь выгодно отличается от родственных ему энциклопедических изданий потому именно, что не пытается измерить духовную культуру России никаким общим аршином. Он изначально был задуман как книга полифоническая, составленная из статей, авторы которых придерживаются разных, порою противоположных взглядов и разных методологических подходов. Это хорошо, поскольку гуманитарию полезно знать весь спектр мнений по

данному вопросу. Иногда доходит до того, что редакция помещает две статьи на одну и ту же тему, написанные двумя разными авторами. К примеру, есть две статьи о Бердяеве и две статьи на тему «Москва — третий Рим», причем одна из них вовсе не о Москве и не о третьем Риме, а скорее об идее Святой Руси. Тогда-то и выходит на свет Божий вся неразработанность проблем, касающихся истории идей в России, тогда-то и вырываются на свободу эмоции, зачастую сопутствующие мышлению о России даже у тех авторов, которые считают себя профессионалами и которым вроде бы положено быть объективно-бесстрастными. Вот почему в словаре под редакцией А. де Лазари так много поверхностных, непродуманных, голословных или даже попросту несправедливых, вводящих в заблуждение суждений.

Примеры найти, к сожалению, нетрудно. В статье «Право», написанной самим главным редактором, можно прочесть, что в России, где не существовало укоренившегося правового сознания, «ни один из так называемых прогрессивных русских мыслителей (от Радищева до Ленина) не придавал значения юридическим проблемам. Значение права осознавала лишь горстка мыслящих царских «чиновников» (М.Сперанский, М.Погодин, Б.Чичерин)». Картина получается совершенно беспросветная, и к тому же как, оказывается, легко можно объяснить сегодняшнее российское бесправие: умных чиновников не послушали! Но откуда же тогда взялась судебная реформа 20 ноября 1864 г., приведшая к появлению гласного суда, который по своей демократичности превосходил суды всех других европейских стран? А плеяда знаменитых адвокатов и правоведов: Кони, Спасович, Кавелин, Кизеветтер? Передовая юридическая мысль развивалась и до реформы. Даже далеко не все радикальные деятели пренебрегали идеей правопорядка. Просветительский принцип *«la législation fait tout»* («все зависит от узаконивания») лег в

основу «юридического мировоззрения» Радищева, первого русского революционного мыслителя, который мечтал вовсе не о по-принии законов, а об их соблюдении — только сами эти законы должны были соответствовать изначальной человеческой природе, естественным человеческим потребностям. Это, разумеется, утопия, но вовсе не апология бесправия. И, наконец, неточность: Погодин и Чичерин были не царскими чиновниками, а университетскими профессорами; да и Сперанский не был чиновником в обычном смысле этого слова.

Еще один пример спорной интерпретации: на этот раз речь идет об одной из важнейших категорий православной культуры. По мнению Ивана Есаулова, московского литературоведа и автора словарной статьи «Соборность» (а также книги «Категория соборности в русской литературе», вышедшей года два назад в издательстве РГГУ), «внешняя бесформенность русской классической литературы (например, куски будто бы “лишнего” текста в “Войне и мире”, полифония романов Достоевского и отсутствие формулировки “последней правды” в произведениях Чехова <...>) имеют общий знаменатель — разные проявления соборного начала», которое почему-то определяется как «трепет перед властью над Другим, перед собственной возможностью окончательной и последней завершенности мира». Можно подумать, что в России, которая, по идее, должна была испокон веков быть проникнута духом православной соборности, наблюдается гипертрофия всеобщего альтруизма и избыток любви к ближнему. Попытка сочетать идеи Бахтина с идеями Иоанна Богослова явно не удается — по той простой причине, что категориям, определявшим дух средневековой христианской религиозности, нет и не может быть прямых соответствий в секуляризованной культуре Нового времени. И потому известный (хотя и не безусловный) релятивизм Толстого, Достоевского и Чехова имеет со-

всем иную природу, чем поведение молящихся в храме, и восходит не к православной экклезиологии, а к совсем иным, античным и западноевропейским источникам великой идеи толерантности, которая была чужда всем монотеистическим системам и в первую очередь православию.

В целом, однако, в словаре преобладают статьи удачные, некоторые даже просто великолепные. К несомненным удачам можно отнести тексты краковского историка политической мысли Юзефа Смаги — «Антисемитизм», «Большевизм», «Диктатура пролетариата», «Ленин», «Научный коммунизм». Тексты предельно конкретные, обоснованные, острые, но в то же время совершенно лишенные дешевой репортерской изdevки и шаржирования, столь частого как в нашей, так и в польской печати. Отмечу также статьи известного варшавского литературоведа-семиотика Ежи Фарыно, каждая из которых представляет собой микроисследование. «Алфавит», «Америка», «Геральдика», «Календарь», «Правовые системы», «Флаги России», «Черный двуглавый орел» — тексты не бесспорные, но зато интересные, заставляющие думать. Задумывались ли мы над тем, чем для нас является наша русская азбука — кириллица, в Новое время превратившаяся в гражданку? Только ли набором условных знаков, который в любую минуту можно заменить, скажем, латинским алфавитом, или чем-то безусловно важным, без чего ни один грамотный русский не мыслит своего существования? Ведь встречал я поляков, которые искренне жалели нас, русских, а заодно, всех, кому приходится изучать наш язык, за то, что нам приходится осваивать эту «филькину грамоту» — дескать, у них всё, даже буквы, не как у людей. Ведь предлагал же великий западник Белинский всерьез перейти на латиницу. А с другой стороны, писал же в молодости Дмитрий Лихачев филиппики, направленные против отмены буквы «ять» и твердого знака на конце слова,

ибо это суть действия, достойные антихриста. Все эти интереснейшие проблемы, связанные с культурной ролью знаков, и находят свое отражение в статьях Е. Фарыно, с которыми просто необходимо познакомиться.

Отмечу, наконец, статьи его преосвященства архиепископа Лодзинского Симеона (Романчука). Они совсем иного рода, но бесконечно ценные, поскольку основные понятия православия раскрыты в них не с точки зрения постороннего, мирского исследователя, который может так легко поддаться искушению модернизации стародавних принципов и догматов, а как бы изнутри православного миросозерцания. Позволю себе привести полный текст небольшой статьи «Целомудрие»:

«Единство и сила личности: внутренняя, духовная гармония человеческого средоточия; физическая и сексуальная чистота. Целомудрие — это проникновение Божией Премудростью, одновременно едино-мышление и велико-душие, мудрость во всем и в целостности естества; простота и органическое единство. Антиномией здесь является раздвоение (рас-стройство, раз-рушение, расчленение, рас-средоточение, раз-вращение) мысли, души и тела; у расстроенного человека бегающие глаза, он скрывает свое лицо, которое, теряя способность выражать чувства, становится маской».

При всей отвлеченности этого определения поражает его семантическая точность и корректность при полной незаинтересованности автора в поисках необыкновенных, поражающих своей оригинальностью интерпретаций — совсем не так, как у И. Есаулова. Но как же иначе можно обращаться со сферой сакрального, как не опираясь на многовековую, едва ли не к архетипам сознания восходящую традицию?

Такой энциклопедический словарь, без всякого сомнения, нужен и полезен. Полезен не только в качестве наглядной демонстрации «разброда и штаний» (как тут не проци-

тировать Ленина?), но и как резервуар интересных идей об идеях, и просто как справочник. Особо следует похвалить библиографическую колонку (ее редактировал краковский историк идей Гжегож Пшебинда), которая содержит не краткую, а весьма подробную библиографию по данной теме, в отдельных случаях десятки единиц — за это любой профессионал помянет авторов словаря добрым словом. Отметим также весьма высокое качество переводов на все три языка.

Напоследок еще несколько слов об авторах словаря. Они представляют несколько стран, более двадцати городов и научных центров. Есть среди них и студентка (Анета Гец из Лодзинского университета), и член-корреспондент РАН (Борис Егоров из Петербурга); есть историки, литературоведы, историки идей, политологи, искусствоведы и религиоведы. Весьма ценными можно назвать статьи еще двух петербуржцев: Владислава Аржанухина («Иоаннит и Софоний Лихуды», «Феофан Прокопович») и Константина Исупова («Антихрист»).

К сожалению, внешний вид первого тома оставляет желать лучшего, но это вина не авторов, а варшавского издательства «Семпер». Будем надеяться, что следующие тома, выходящие в другом издательстве, окажутся не хуже первого по содержанию, но гораздо лучше по оформлению.

Idee w Rosji. Идеи в России. Ideas in Russia. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski.
Pod red. Andrzeja de Lazari. T.I. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe «Semper», 1999, s. 492.

Тадеуш Ружевич

СТИХОТВОРЕНИЯ

Перевёл с польского Андрей Базилевский

Тадеуш Ружевич

Перевёл с польского
Андрей Базилевский

СТИХОТВОРЕНИЯ

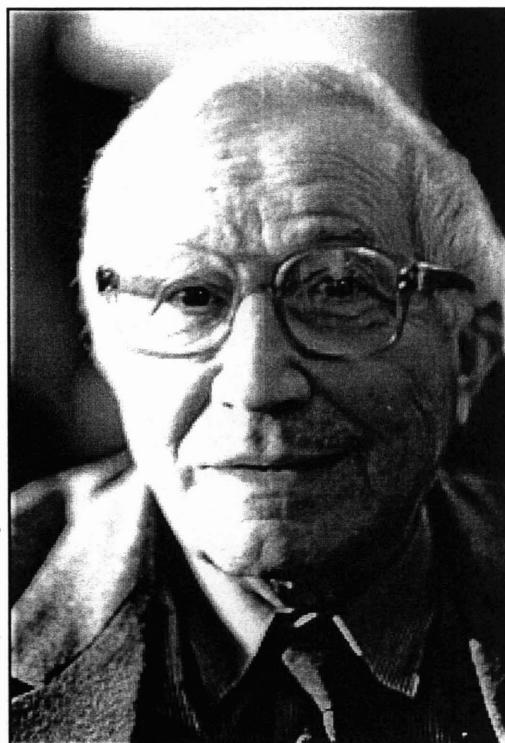

Фото PAP-CAF, Adam Hawalej

Тадеуш Ружевич (1921). Поэт, прозаик, драматург (знаменитая «Картотека»). Во время гитлеровской оккупации он сражался в рядах Армии Крайовой. Ведущая тема его творчества — война. В новейших произведениях Ружевич охотно обращается к проблемам метафизики и экзистенциализма. В феврале с.г. он получил Главную премию Фонда культуры за книгу «Уход матери». Эта премия присуждается с 1993 года. Ей удостоились, в частности, Станислав Лем, Ежи Гrotovский, Станислав Баaranьчак, Збигнев Херберт.

Вижу безумцев

Вижу безумцев
которые по морю ходили как посуху
верили до конца
и пошли на дно

они и сейчас еще накреняют
утлую мою лодку

отталкиваю эти окостенелые
ладони жестоко живой

отталкиваю год за годом.

Избиение младенцев

Дети кричали: «Мамочка!
Ведь я тебя слушался мамочка!»
Темно! Темно!

Вы видите их Они идут ко дну
Вы видите их ноги
они идут ко дну Видите
их следы
следы маленьких ног тут и там.

В их карманах полно
камешков стеклышек
проволочных лошадок.

Равнина замкнута
как геометрическая фигура
Над ней черное дерево дыма
вертикальное
мертвое дерево
в корне которого нет звезды.

Музей — Освенцим, 1948

Посмертная реабилитация

Мертвые помнят
наше равнодушие
мертвые помнят
наše молчание
мертвые помнят
наши слова

Мертвые видят
как смеются наши лица
мертвые видят
как трутся наши тела
мертвые слышат
как чавкают наши рты

Они читают наши книги
слушают наши речи
произнесенные так давно
они изучают доклады
и продолжают прения
видят наши руки
готовые к аплодисментам

Видят поющие хоры
скандирующие стадионы

все живые виновны
виновны даже дети
которые дарили цветы
виновны любовницы
виновны все те

кто бежал
и те, кто остался
те, кто был за
те, кто был против
и те, кто был ни за ни против

Мертвые пересчитывают живых
они нас не реабилитируют

Лешек ШАРУГА

ФЕНОМЕН ТАДЕУША РУЖЕВИЧА

Два поэта сыграли решающую роль в развитии польской лирики в XX веке. В перспективе уходящего столетия все крупнее становится фигура Болеслава Лесьмяна и все более весомым становится слово Тадеуша Ружевича. Эти два художника непохожи друг на друга, можно даже сказать, что они полярно противоположны друг другу: один всем своим существом олицетворяет «поэтичность», другой — ту самую «поэтичность» демонстративно отвергает. Но есть и нечто, что роднит эти два феноменальных явления. Нечто, благодаря чему, невозможно ни переоценить, ни отделить друг от друга творчество этих двух поэтов. Дело в том, что каждый из них располагает столь огромным зарядом поэтической энергии, что она, до предела напрягает, и почти разрывает все языковые связи. И вновь: если в лирике Лесьмяна мы захотим определить способ извержения этой энергии, то пришлось бы взрыве этого заряда. В случае Ружевича — и именно в этом и заключается абсолютная его новизна как в польской, так и, пожалуй, в мировой поэзии — пришлось бы описывать коллапс, взрыв, направленный вовнутрь.

Таким образом, на одном полюсе было бы Слово в распустившемся соцветии замирающего многоголосия (вспомним авторства Лесьмяна: «И длился голос, один лишь голос, над пустотою звучащий голос»), а на другом — вбирающее в себя значения Молчание (авторства Ружевича: «называю молчаньем»).

Тадеуш Ружевич родился в 1921 году в Радомске. Свой первый поэтический сборник «Лесное эхо» напечатал в подполье. Во время Второй Мировой войны он был, как и его старший брат Януш, тоже подающий надежды поэт, солдатом подпольной Армии Крайовой. Януш погиб в 1944 году от руки гестаповцев. Спустя много лет Тадеуш Ружевич, вместе с третьим братом, кинорежиссером Станиславом, опубликовал потрясающую книгу «Наш старший брат». Своебразным продолжением этой книги стал, вышедший в 1999 году, сборник «Уход матери». Он подтверждает тот факт, что поэт, склоняясь в 90-е годы к документальным формам, производит переоценку всего своего творчества. Этот выдающийся прозаик и драматург, в совершенстве чувствующий подспудный ритм реальной жизни и наделенный даром превращать его в ритм искусства, стержнем создаваемого им мира сделал поэзию. Сырьем же для этого стержня послужил, если можно так выражаться, самый благородный из существующих материалов — молчание.

Корни «Молчания» Ружевича уходят в два разных источника. В богатство и формальное многообразие лирики «крёстного отца» современной польской поэзии

Ничто

Ночью
слово
ничто
растет и ветвится
неудержимо
днем
утолив свой
голод

оно вонзается в жизнь
как нож в мясо

Корректура

Смерть не поправит
ни строчки
смерть не корректор
и не редактор

дурной вкус бессмертен

когда умирает скверный поэт
он остается скверным поэтом

глупец и за гробом
мелет вздор
дурак наводит тоску
и после смерти

Воскресение фильма

Памяти Сергея Эйзенштейна

“Эйзенштейн
утратил доверие товарищей
его считают дезертиром
он порвал узы
связывающие его с родиной”

сказал Сталин
попыхивая трубкой

рабочую копию фильма
вывезли
в неизвестное место
негатив
размыли сточные воды
в подвале
кинофабрики музыка
рассыпалась в воздухе

Эйзенштейн
раскаялся разоружился
выступил с самокритикой
осудил свой метод
и форму
обещал перековаться

палач картины
получил орден

герои этих событий
вымерли
остались тени

от волшебного фонаря
от чистой радости кинозренья
дошагали до страха
до провокаций
до смерти

Спустя долгие годы
в квартире Покойного нашли
жестянную коробку
с тысячью отдельных кадров

Леопольда Страффа, преклонение перед которым Ружевич выразил великолепной антологией его стихотворений, озаглавленной «Кто это странный незнакомец» (кстати, примерно в то же время Страфф готовил замечательные «Избранные стихотворения» Лесьмяна), и из стихотворческой дисциплины авангардистской поэзии Юлиана Пшибося. Следует отметить, что вскоре после этого пути авторов разойдутся: верящий в слово Пшибося не в состоянии понять отчаяние Ружевича, утратившего доверие к языку). В послесловии к собранию стихотворений Страффа Ружевич пишет:

«Танец поэзии закончил свое существование во время Второй Мировой войны, в концентрационных лагерях, созданных тоталитарными режимами. Все мы, пережившие эти „презренные времена“, вместе с Андре Мальро задали себе один и тот же вопрос: „Уцелел на старой европейской земле человек, или нет?“. Поэзия Движения Сопротивления и послевоенных лет дала ответ на этот вопрос не на языке Муз, но на обычном человеческом языке. Возвращенья различного рода „поэтических танцев“ не выдержали испытания временем. Слово перестало удивляться слову. Дерево метафоры перестало цвести».

Эти слова, являющиеся комментарием к драматизму поэзии Страффа, стали в то же время полемикой с оптимизмом авангардистской поэзии. Договаривая все до конца, Ружевич демонстративно отмечает веру в возрождение этого «языка Муз»:

«Разумеется, существуют поэты, которые последовательно и до конца будут заниматься „поэтическим танцем”. Независимо от того, что происходит с человечеством, со страной и с самим поэтом. Этот подход столь же бесплоден, сколь героичен, столь же оптимистичен, сколь смешон».

Эти слова — не только расставание с Пшибосем, но и попытка указать иной путь авангардистскому направлению в поэзии.

Но что же значит говорить «на обычном человеческом языке», отказываясь от «языка Муз»? Ведь Ружевич продолжает тщательно отшлифовывать свои произведения, не оставляя без внимания их эстетический аспект, и, поэтому, может показаться, что до конца он веры в поэзию не утратил. Но можно это понимать и по-другому: забота об эстетической стороне является здесь вовсе не культивированием «поэтичности», но сознательным трудом, направленным на обострение драматизма поэтического свидетельства. *Стихио-творение* становится в первую очередь не «творением», но «сообщением», информирующим о том, «что происходит с человечеством, со страной и с самим поэтом»». Таким образом, поэт — а именно он остается главным героем лирики Ружевича — по-прежнему, вновь и вновь продолжает попытки описать свою собственную ситуацию. Он продолжает эти попытки, полностью осознавая тот факт, что язык, которым он пользуется, изуродован, превратился в орудие преступления — и отсюда ведет начало стремление к его «очищению», упрощению,

в 1967 году
картина была
реабилитирована
парализованная изувеченная
немая
она ожила
после смерти
на серебристом экране

1967—1968

Свет тень

Когда на мой стих
падает тень
я вижу в нем свет
хрупкой упрямой
жизни

малютка смерть
начинает ходить
созревает
быстро растет
ночью спит
на моем сердце
на губах
как море
на черном камне

ты ночью кричал
говорит жена
ужасно
страшно

это смерть прорубала
во мне туннели
кричала во мне
пещерой полной
костей

Когда на мой стих
падает свет
я вижу в нем смерть
черную
спорынью
в золотом колосе
уплывающем
за горизонт

сентябрь 1983

Памяти Константина Пузыны

Пора мне
время не терпит

что о собой взять
на тот берег
ничего

значит ухе
все
мама

да сынок
уже все

выходит только и всего

только и всего

вот и вся жизнь

да
вся жизнь

даже обнажению. Это «нагое» слово поэзии Ружевича не может, однако, освободиться от своей собственной парадоксальной природы, отражающей парадоксальную ситуацию человека, который знает, что «можно жить без бога / жить без бога нельзя», и остается наедине с этим знанием.

Столь же парадоксальна и природа самой поэзии: «но средоточье поэзии / пусто неподвижно / вход вовнутрь / открыт / для всех желающих / выхода нет». Этот многозначный и полифункциональный комментарий из стихотворения «На рубежах поэзии», завершающего сборник под названием «Всегда фрагмент — recycling». Средоточие поэзии — это неподвижный центр Вселенной, ядро циклона, где царит спокойствие, но на рубежах которого буйствует стихия жизни:

«после рождения стиха меня выметает выносит на рубежи поэзии в самую гущу жизни (...) на рубежах поэзии плотно прикрыта смертью сентиментальной бурлит жизнь и поэзия полная вкуса хорошего и дурного выдыхается соль земли слова становятся бесприютными».

Вне стихотворения слова становятся бесприютными, бездомными. Только в нем они находят прибежище, вновь обретают свой исконный смысл, чистоту, невинность — но «на рубежах поэзии», вдали от этого неподвижного, приглушенного центра, они все это утрачивают: «ни одно существо кроме человека / не пользуется словом / которое может быть орудием преступления».

Если задуматься над своеобразной драмой поэзии Ружевича,

1989

может оказаться, что эта драма глубже, чем это принято полагать. Взгляд в исторической перспективе помогает обнаружить две точки отсчета или, вернее, два источника недоразумений, проистекающих не из различия темпераментов или убеждений, а из исключительности самой «ружевичевской ситуации». Средоточием опыта этой лирики является мир «концентрационных лагерей, созданных тоталитарными режимами», воспринимаемый непосредственно, без исторического релятивизма, без каких-либо внешних соотнесений. Это и есть центр этого мира: уничтожение. Старшие поколения, несмотря на весь чудовищный ужас прошедшего, могли еще пытаться поместить этот опыт в какую-то историческую перспективу, как это делал Ежи Загурский в 1947 году : «Я полагаю, — писал он, — что существует возможность, что наблюдающееся нами разрушение Центральной и значительной части Восточной Европы будет иметь для человечества примерно такое же значение, как падение Византии в XV веке, или, точнее, что человечество сумеет найти выход из сегодняшней катастрофы». Более молодые поколения видели в войне уже лишь «историческое событие», уже занявшее место в коллективной памяти, подобно иным событиям прошлого. Герой Ружевича — Поэт — неустанно находится в эпицентре уничтожения; это его духовная родина, непреходящая точка отсчета всех его переживаний и раздумий, самое живое содержание всего, что ему пришлось *пере-жить*, чтобы *вы-жить*. Как и жизнь после такого опыта, так и поэзия не может быть тем же, чем была прежде. Поэтому произ-

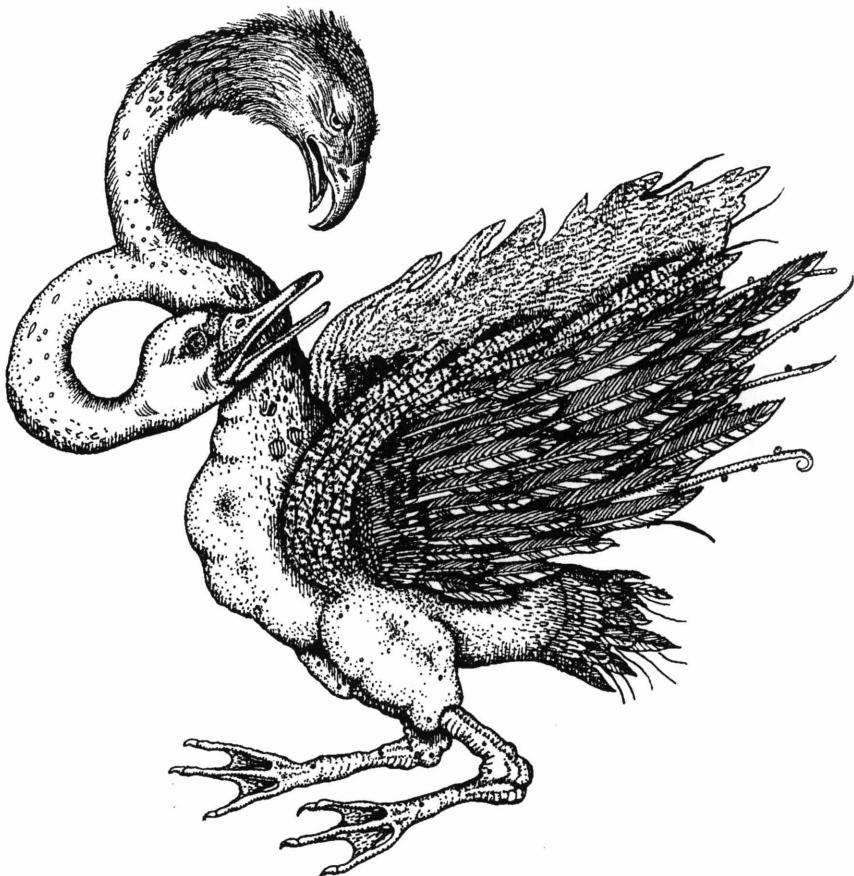
Орёл

Орлом под небеса взмываю
Сижу в конторе
Взлетаю землю покидаю
Сижу в конторе

Разящий меч в руке сжимаю
Сижу в конторе
Узлы и узы разрубаю
Сижу в конторе

Крушу давлю каких-то „истов”
Сижу в конторе
Бью недобитых как-бишь-истов
Сижу в конторе

Реву ору кровь проливаю
В конторе сидя
Рычу а более - зеваю
В конторе сидя

* * *

чёрные пятна белы

перед третьей
сияющей,
звёздной
войной

вместе с инстинктом жизни
у людей отняли фантазию
смерть затаилась
в луке салате
в зелёном
цвете надежды

родился ребенок
о двух головах
родился телёнок
о трёх ногах

белые пятна черны
чёрные пятна красны

свора журналистов
что-то вынюхивает
у закрытых дверей
дипломаты осклабясь
играют в кости
гадают о будущем мира
и роди людского по
кишкам погибших солдат

родился ребёнок
о четырёх ногах
родился телёнок
о двух крылах

политики и генералы
беседуют с глазу на глаз
за закрытыми дверями
изобразив на лице
второе лицо
пытаются сохранить
свои безликие лица

белые пятна черны
черные пятна желты

ведения Ружевича — это, прежде всего, попытки рассказать об этом *пере-живании* (*вы-живании*), имеющем мало общего с милошевским избавлением («Избавление» было заглавием первого послевоенного сборника стихов Чеслава Милоша): «вот уже много лет / я занимаюсь профессией / выпавшей мне на долю / ставшей моим призванием / которая зовётся поэзией».

Настоящая поэзия, все эти «поэтические танцы» изжили себя так же, как ушли в прошлое вера в невинность человека и невинность слова. Прежнее «называнье молчанием» находит свое продолжение в последних произведениях автора — как, например, в «Зеркале»: «тишина стала зеркалом / моих стихов / их отраженья молчат». Молчанию отвечает Молчание, что можно понимать в том смысле, что между поэтом и читателем существует «молчаливое соглашение». Можно и так, что единственной возможной реакцией на эти стихи становится тишина. Это нагромождение иронии и автоиронии, которое неустанно, вновь и вновь то отдаляет, то приближает нас к миру этой поэзии и ситуации ее лирического героя, является одним из источников повторяющихся недоразумений, сопутствующих творчеству Ружевича (достаточно вспомнить, что как коммунисты в период дебюта автора, так и консервативно настроенные критики в последние годы в один голос упрекали его поэзию в нигилизме). Но в то же время именно эта (авто)ироничная спираль определяет динамику этой поэзии, выстраивает систему ее внутренних и внешних напряжений. Она обуславливает также ее

оригинальность, благодаря которой Ружевичу можно подражать, но нельзя быть его «учеником», как нельзя быть «учеником» Лесьюна. Точно так же не нашли последователей и великолепные драмы Ружевича — «Картотека» и «С концами».

«Молчание» Ружевича — это своеобразное чистилище слова, чистилище языка, запятнанного преступлением, ложью и идеологией. Сегодня слово этой поэзии приобретает новую динамику, вновь силу созидания. Последний сборник поэта «Уход матери» является попыткой дать портрет современной «семьи человечьей», осознающей, что она сумела пережить эпоху тоталитарных жестокостей, но в то же время отдающей себе отчёт в том, что история продолжается, а её грозные стихии, сегодня кажущиеся укрошенными, могут вновь пробудиться. В таком мире нет места доверию — но есть место свидетельству любви, выраженному в парадоксальной формуле:

«Всевидящие глаза матери смотрят на рождение сына смотрят всю жизнь и смотрят после смерти уже „с того света“. Даже если сына превратили в машину для умерщвления или в зверя в убийцу глаза матери смотрят на него с любовью... смотрят».

ПОЧЕМУ ПОЭТЫ ПЬЮТ ВОДКУ

потому что они
видят что в них сидит
и что ещё может
вылезти

пьют потому что не могут слушать
ни того что сами себе говорят ,
ни того что им говорят другие

пьют потому что не прочь подложить свинью
собрату по цеху
но в трезвом виде
они так благородны

пьют перед зеркалом потому что боятся
проворонить того другого
который лучше и „милее“
(свет мой зеркальце
скажи...)

пьют потому что знают
всё что уже написали
и не знают что ещё
сумеют из себя выжать

Виктор Кулерский

ЕЩЁ О «ЗАПИСКАХ АНОШКИНА»

Виктор Кулерский

ЕЩЁ О «ЗАПИСКАХ АНОШКИНА»

В Польше по-прежнему жива память о военном положении, введенном 13 декабря 1981 года. Обоснованность и законность этого шага — предмет споров, которые ведут не только историки, а личность генерала Войцеха Ярузельского продолжает возбуждать эмоции, является предметом обвинений и даже физических нападений. Истина как будто тонет в мешанине фактов и мистификаций, полправды и лжи, в вихре аргументов и контраргументов, и все это заправлено то понятной и оправданной горечью, то бескорыстной ненавистью и часто цинично используется для достижения текущих политических, — а точнее, может быть, чисто личных — целей.

Один из многочисленных примеров того, что происходит вокруг личности генерала, — как сама «Рабочая тетрадь» Аношкина, так и рецензия Эрнеста Скальского, перепечатанная в 4-м номере «Новой Польши» по публикации «Газеты выборчей» (1998, 18 сент.). Наша редакция, к сожалению, упустила из виду ответ Войцеха Ярузельского, который вместе с оправданиями автора рецензии появился в «Газете выборчей» месяц спустя, 16 октября того же года. Его следовало напечатать вместе с рецензией. Чтобы хоть частично исправить ошибку, мы приводим ниже ответ генерала Ярузельского рецензенту и его письмо по этому вопросу автору настоящей статьи. Однако, чтобы смысл письма был ясен читателям, необходимо сделать несколько разъяснений по поводу первого абзаца письма и самой личности адресата.

Когда вводилось военное положение, я был заместителем председателя «Солидарности» Мазовецкого региона [Варшава с окрестностями, попольски Мазовше. — Пер.]. По случайности я избежал интернирования, зато брат мой сидел в тюрьме в Бялоленке под Варшавой, где его навещал наш отец, бывший политзаключенный, в сталинские времена приговоренный к 12 годам тюрьмы с лишением гражданских прав и конфискацией имущества. Следующие пять лет я жил и работал в подполье, под объявленным на меня розыском. После выхода из подполья был безработным,

Войцех Ярузельский

ДВА ПИСЬМА

Виктору Кулерскому:

Я хорошо помню нашу прошлогоднюю встречу в Королевском замке, а также разговор десятилетней давности в Бельведере. Никогда не забуду и Вашего отважного поведения во время президентских выборов в июле 1989 года. Это был знаменательный пример того, как способны Вы подняться над перенесенными обидами и травмами.

Благодарю за присланные мне новые номера «Новой Польши». Это не только нужный, но и хороший журнал. Я читал его внимательно и с удовлетворением. Меня весьма заинтересовала ваша публикация «Большевик» в №4. Это человеческое, драматическое, но в результате оптимистическое описание. Ему сопутствует статья Эрнеста Скальского «Записки Аношкина». Позволю себе прислать вам как приложение к этому письму материалы, относящиеся к этой теме. Сообщаю также, что, получив их, редактор Скальский принес мне извинения на страницах «Газеты выборчей» (к сожалению, у меня не сохранился этот номер) за приведенные в его публикации ошибочные и оскорбительные для меня утверждения. Хочу также обратить ваше внимание на «Заметку», которую прилагаю. Пользуясь случаем, посылаю также недавно изданную мою книгу — брошюру «Уметь различаться разумно».

Я стараюсь в своих публикациях сохранитьзвезденность, понять «другую сторону», одновременно не избегая самокритичного взгляда (вышеназванная книга — тому конкретное доказательство). Парадоксально, однако, что в настоящее время, чем дальше от минувших драматических событий, тем громче и резче угрозы и обвинения, особенно по

много раз подвергался задержаниям, против меня было возбуждено дело об участии в нелегальных организациях. На первых, еще полусвободных парламентских выборах в 1989 г., которые принесли успех «Солидарности», я был избран депутатом Сейма X созыва. Именно тогда, при голосовании обеих палат Национального собрания по выборам первого президента Польской Республики, я оказался среди шести парламентариев «Солидарности», голоса которых стали решающими для избрания Войцеха Ярузельского. Его кандидатура прошла с перевесом в один голос. Я был убежден, что после достижения «Солидарностью» крупного успеха и при тогдашнем политическом положении, как внутреннем (правительство возглавлял Тадеуш Мазовецкий из «Солидарности», но армия, госбезопасность и милиция оставались в руках коммунистической партии), так и внешнем (СССР продолжал существовать, то же самое — ГДР и ЧССР), нам нельзя подвергать государство слишком далеко заходящему риску. Кроме того, мы подписали соглашения «круглого стола». *Racata servanda sunt.* Была договоренность: наш премьер, ваш президент.

Кроме того, я был и по-прежнему уверен, что, вне зависимости от возбуждающего споры вопроса о военном положении (введенном, кстати, с малым числом жертв), самое тяжкое обвинение, выдвигаемое против генерала и касающееся обращения к СССР за «братьской помощью» (т.е. за военным вмешательством) лишено оснований и оскорбительно. Позже, когда Лех Валенса начал бурную кампанию за уход президента государства со своего поста и досрочные президентские выборы, я опасался дестабилизации государства, нарушения и торможения хода реформ, как оно и произошло. Ярузельский же не только сдержанно применял репрессии во время военного положения и не только привел к соглашениям круглого стола, но на посту президента поддерживал реформы или хотя бы не мешал им, был лоялен по отношению к правительству Тадеуша Мазовецкого и власть свою отправлял ответственно и достойно, хотя время было трудное и для него лично. Именно по этой причине в упомянутом в письме разговоре в Бельведере [резиденции президента], я пытался удержать его от досрочного ухода в отставку. Он решил иначе. Позднее я несколько раз разговаривал с уже бывшим президентом во время разных официальных встреч, в частности в Ко-

моему адресу. Очередная годовщина введения военного положения (декабрь 1999) дала на этот счет новые показательные примеры, включая «сенсацию», продемонстрированную министром внутренних дел и администрации. Это очередная манипуляция, но именно это и интересует авторов подобных обвинений. Тем более что возможности давать исчерпывающие объяснения и опровергнения ниотожны.

Всего Вам доброго.
С уважением
Войцех Ярузельский 31.01.2000

В «Газете выборчую»:

18 сентября в «Газете выборчей» редактор Эрнест Скальский поместил заметку-информацию о «рабочей тетради» генерала Аношикина, изданной Институтом политических исследований ПАН. Первая, существенная часть этой информации содержит цитаты якобы из моих высказываний. Заявляю, что это неверные записи.

Во-первых, из записей в «рабочей тетради», которая велась с 10 декабря 1981 г., неопровергнутое следует, что за это время я ни разу не разговаривал с маршалом Куликовым, т.е. до ночи с 16 на 17 декабря, когда он уехал из Польши.

Во-вторых, эти цитаты, таким образом, не взяты из разговоров со мной. Это какие-то обрывки заметок, различные сигналы, нередко непонятные или взаимно противоречивые; зачастую неизвестно, откуда они взялись. Среди них есть также ссылки на разговоры с ген. Флорианом Сивицким, который — что выглядит прямо неправдоподобно — в течение всего пребывания маршала Куликова в Польше, якобы был его единственным польским собеседником. Кстати, ген. Сивицкий в обширном, весьма конкретном объяснении категорически отвергает некоторые приписанные ему суждения и указывает на прямо очевидную абсурдность ряда записей. Ибо мы рас-

ролевском замке, как он упомянул, на торжестве передачи президенту Польской Республики Леху Валенсю символов власти и государственных документов, привезенных из Лондона президентом в изгнании Рышардом Качоровским. Я считал и продолжаю считать, что хоть Войцех Ярузельский некогда стоял по другую сторону баррикады, тем не менее, он не заслужил остракизма, на который он наталкивается со стороны многих моих коллег. Подобную же позицию занимает Збигнев Буяк, мой бывший непосредственный шеф, председатель Мазовецкого правления профсоюза и живая легенда подполья «Солидарности», а под конец — узник генерала. На встрече у президента Александра Квасневского по случаю десятой годовщины «круглого стола» Буяк подошел к Ярузельскому и сказал: «Позвольте, господин генерал, демонстративно пожать вам руку».

О некоторых из вышеназванных фактов я пишу впервые. И, возможно, в том, что обо всем этом пишет человек, которому — и самому, и его семье — коммунистический режим не принес ничего, кроме потока несчастий, содержится не одна лишь пустая ирония судьбы.

И, думаю, не было бы лишним помнить слова генерала Волкогонова (многократно сопровождавшего маршала Куликова во время его поездок в Польшу), который на вопрос сотрудника «Газеты выборчей» Леона Буйко «Если бы Вы были на месте Ярузельского и получили по телефону заверение Суслова, что вмешательства не будет — Вы поверили бы?» — ответил «Ни на секунду! Я бы почувствовал серьезную обеспокоенность, что готовится нечто опасное.» («Газета выборчая» от 11 декабря 1992 г.)

Тени недоброго прошлого по-прежнему ложатся на нас и между нами. Но редакционный недосмотр, связанный с рецензией на «Рабочую тетрадь» Аношкина, тем не менее, позволил дать читателям «Новой Польши» более глубокую картину одной из польских драм недавнего и все еще нашего общего прошлого. Пусть же он будет сочен смягчающим обстоятельством, если это хотя бы несколько облегчит нам преодоление того, что ушло в прошлое и все-таки продолжает оставаться в нас.

Виктор Куллерский
Варшава, 3 февраля 2000

сматривали военное положение — этот драматический, болезненный акт — как крайность. Его общеизвестным, элементарным условием неизменно было стремление избежать внешнего вмешательства и осуществление лишь в собственных рамках и только польскими силами. Это, кстати, полностью подтвердила практика, жизнь.

Наконец, в-третьих, и это, пожалуй, ключ — назовем это так — недоразумению. Упомянутые цитаты взяты не прямо из «рабочей тетради» Аношкина, а из комментария к ней, написанного Марком Крамером. При этом он не только вложил всякие слова в мои уста, но добавил некоторые из них явно тенденциозно обработал.

Сигнальный характер заметки-информации Эрнеста Скальского ограничивает меня в разъяснении других тем. При этом я убежден, что г-н редактор писал эту заметку, не руководствуясь пристрастным умыслом, — это к тому же следует из второй части его текста. Попросту, видимо, все решила спешка, недостаточно внимательное рассмотрение и различие «источника» — правду сказать, весьма сомнительного — и его одностороннего, в какой-то степени даже карикатурного комментария. К сожалению, именно этот комментарий может стать для некоторых лиц и кругов предлогом вновь углубить исторические разделения и попытаться их эксплуатировать.

Войцех Ярузельский

От редакции [«Газеты выборчей»]:

«Тетрадь» — это сжатые, хаотические и неясные записи. При первом чтении я доверился необоснованному истолкованию Марка Крамера, за что приношу извинения.

Эрнест Скальский

Войцех Ярузельский

ДВА ПИСЬМА

Виктор Кулерский

ЕЩЁ О «ЗАПИСКАХ АНОШКИНА»

В Польше по-прежнему жива память о военном положении, введенном 13 декабря 1981 года. Обоснованность и законность этого шага — предмет споров, которые ведут не только историки, а личность генерала Войцеха Ярузельского продолжает возбуждать эмоции, является предметом обвинений и даже физических нападений. Истина как будто тонет в мешанине фактов и мистификаций, полправды и лжи, в вихре аргументов и контраргументов, и все это заправлено то понятной и оправданной горечью, то бескорыстной ненавистью и часто цинично используется для достижения текущих политических, — а точнее, может быть, чисто личных — целей.

Один из многочисленных примеров того, что происходит вокруг личности генерала, — как сама «Рабочая тетрадь» Аношкина, так и рецензия Эрнеста Скальского, перепечатанная в 4-м номере «Новой Польши» по публикации «Газеты выборчей» (1998, 18 сент.). Наша редакция, к сожалению, упустила из виду ответ Войцеха Ярузельского, который вместе с оправданиями автора рецензии появился в «Газете выборчей» месяц спустя, 16 октября того же года. Его следовало напечатать вместе с рецензией. Чтобы хоть частично исправить ошибку, мы приводим ниже ответ генерала Ярузельского рецензенту и его письмо по этому вопросу автору настоящей статьи. Однако, чтобы смысл письма был ясен читателям, необходимо сделать несколько разъяснений по поводу первого абзаца письма и самой личности адресата.

Когда вводилось военное положение, я был заместителем председателя «Солидарности» Мазовецкого региона [Варшава с окрестностями, попольски Мазовше. — Пер.]. По случайности я избежал интернирования, зато брат мой сидел в тюрьме в Бялоленке под Варшавой, где его навещал наш отец, бывший политзаключенный, в сталинские времена приговоренный к 12 годам тюрьмы с лишением гражданских прав и конфискацией имущества. Следующие пять лет я жил и работал в подполье, под объявленным на меня розыском. После выхода из подполья был безработным,

Войцех Ярузельский

ДВА ПИСЬМА

Виктору Кулерскому:

Я хорошо помню нашу прошлогоднюю встречу в Королевском замке, а также разговор десятилетней давности в Бельведере. Никогда не забуду и Вашего отважного поведения во время президентских выборов в июле 1989 года. Это был знаменательный пример того, как способны Вы подняться над перенесенными обидами и травмами.

Благодарю за присланные мне новые номера «Новой Польши». Это не только нужный, но и хороший журнал. Я читал его внимательно и с удовлетворением. Меня весьма заинтересовала ваша публикация «Большевик» в №4. Это человеческое, драматическое, но в результате оптимистическое описание. Ему сопутствует статья Эрнеста Скальского «Записки Аношкина». Позволю себе прислать вам как приложение к этому письму материалы, относящиеся к этой теме. Сообщаю также, что, получив их, редактор Скальский принес мне извинения на страницах «Газеты выборчей» (к сожалению, у меня не сохранился этот номер) за приведенные в его публикации ошибочные и оскорбительные для меня утверждения. Хочу также обратить ваше внимание на «Заметку», которую прилагаю. Пользуясь случаем, посылаю также недавно изданную мою книгу — брошюру «Уметь различаться разумно».

Я стараюсь в своих публикациях сохранитьзвезденность, понять «другую сторону», одновременно не избегая самокритичного взгляда (вышеназванная книга — тому конкретное доказательство). Парадоксально, однако, что в настоящее время, чем дальше от минувших драматических событий, тем громче и резче угрозы и обвинения, особенно по

много раз подвергался задержаниям, против меня было возбуждено дело об участии в нелегальных организациях. На первых, еще полусвободных парламентских выборах в 1989 г., которые принесли успех «Солидарности», я был избран депутатом Сейма X созыва. Именно тогда, при голосовании обеих палат Национального собрания по выборам первого президента Польской Республики, я оказался среди шести парламентариев «Солидарности», голоса которых стали решающими для избрания Войцеха Ярузельского. Его кандидатура прошла с перевесом в один голос. Я был убежден, что после достижения «Солидарностью» крупного успеха и при тогдашнем политическом положении, как внутреннем (правительство возглавлял Тадеуш Мазовецкий из «Солидарности», но армия, госбезопасность и милиция оставались в руках коммунистической партии), так и внешнем (СССР продолжал существовать, то же самое — ГДР и ЧССР), нам нельзя подвергать государство слишком далеко заходящему риску. Кроме того, мы подписали соглашения «круглого стола». *Racata servanda sunt.* Была договоренность: наш премьер, ваш президент.

Кроме того, я был и по-прежнему уверен, что, вне зависимости от возбуждающего споры вопроса о военном положении (введенном, кстати, с малым числом жертв), самое тяжкое обвинение, выдвигаемое против генерала и касающееся обращения к СССР за «братьской помощью» (т.е. за военным вмешательством) лишено оснований и оскорбительно. Позже, когда Лех Валенса начал бурную кампанию за уход президента государства со своего поста и досрочные президентские выборы, я опасался дестабилизации государства, нарушения и торможения хода реформ, как оно и произошло. Ярузельский же не только сдержанно применял репрессии во время военного положения и не только привел к соглашениям круглого стола, но на посту президента поддерживал реформы или хотя бы не мешал им, был лоялен по отношению к правительству Тадеуша Мазовецкого и власть свою отправлял ответственно и достойно, хотя время было трудное и для него лично. Именно по этой причине в упомянутом в письме разговоре в Бельведере [резиденции президента], я пытался удержать его от досрочного ухода в отставку. Он решил иначе. Позднее я несколько раз разговаривал с уже бывшим президентом во время разных официальных встреч, в частности в Ко-

моему адресу. Очередная годовщина введения военного положения (декабрь 1999) дала на этот счет новые показательные примеры, включая «сенсацию», продемонстрированную министром внутренних дел и администрации. Это очередная манипуляция, но именно это и интересует авторов подобных обвинений. Тем более что возможности давать исчерпывающие объяснения и опровергнения ниотожны.

Всего Вам доброго.
С уважением
Войцех Ярузельский 31.01.2000

В «Газете выборчую»:

18 сентября в «Газете выборчей» редактор Эрнест Скальский поместил заметку-информацию о «рабочей тетради» генерала Аношикина, изданной Институтом политических исследований ПАН. Первая, существенная часть этой информации содержит цитаты якобы из моих высказываний. Заявляю, что это неверные записи.

Во-первых, из записей в «рабочей тетради», которая велась с 10 декабря 1981 г., неопровергнутое следует, что за это время я ни разу не разговаривал с маршалом Куликовым, т.е. до ночи с 16 на 17 декабря, когда он уехал из Польши.

Во-вторых, эти цитаты, таким образом, не взяты из разговоров со мной. Это какие-то обрывки заметок, различные сигналы, нередко непонятные или взаимно противоречивые; зачастую неизвестно, откуда они взялись. Среди них есть также ссылки на разговоры с ген. Флорианом Сивицким, который — что выглядит прямо неправдоподобно — в течение всего пребывания маршала Куликова в Польше, якобы был его единственным польским собеседником. Кстати, ген. Сивицкий в обширном, весьма конкретном объяснении категорически отвергает некоторые приписанные ему суждения и указывает на прямо очевидную абсурдность ряда записей. Ибо мы рас-

ролевском замке, как он упомянул, на торжестве передачи президенту Польской Республики Леху Валенсю символов власти и государственных документов, привезенных из Лондона президентом в изгнании Рышардом Качоровским. Я считал и продолжаю считать, что хоть Войцех Ярузельский некогда стоял по другую сторону баррикады, тем не менее, он не заслужил остракизма, на который он наталкивается со стороны многих моих коллег. Подобную же позицию занимает Збигнев Буяк, мой бывший непосредственный шеф, председатель Мазовецкого правления профсоюза и живая легенда подполья «Солидарности», а под конец — узник генерала. На встрече у президента Александра Квасневского по случаю десятой годовщины «круглого стола» Буяк подошел к Ярузельскому и сказал: «Позвольте, господин генерал, демонстративно пожать вам руку».

О некоторых из вышеназванных фактов я пишу впервые. И, возможно, в том, что обо всем этом пишет человек, которому — и самому, и его семье — коммунистический режим не принес ничего, кроме потока несчастий, содержится не одна лишь пустая ирония судьбы.

И, думаю, не было бы лишним помнить слова генерала Волкогонова (многократно сопровождавшего маршала Куликова во время его поездок в Польшу), который на вопрос сотрудника «Газеты выборчей» Леона Буйко «Если бы Вы были на месте Ярузельского и получили по телефону заверение Суслова, что вмешательства не будет — Вы поверили бы?» — ответил «Ни на секунду! Я бы почувствовал серьезную обеспокоенность, что готовится нечто опасное.» («Газета выборчая» от 11 декабря 1992 г.)

Тени недоброго прошлого по-прежнему ложатся на нас и между нами. Но редакционный недосмотр, связанный с рецензией на «Рабочую тетрадь» Аношкина, тем не менее, позволил дать читателям «Новой Польши» более глубокую картину одной из польских драм недавнего и все еще нашего общего прошлого. Пусть же он будет сочен смягчающим обстоятельством, если это хотя бы несколько облегчит нам преодоление того, что ушло в прошлое и все-таки продолжает оставаться в нас.

Виктор Куллерский
Варшава, 3 февраля 2000

сматривали военное положение — этот драматический, болезненный акт — как крайность. Его общеизвестным, элементарным условием неизменно было стремление избежать внешнего вмешательства и осуществление лишь в собственных рамках и только польскими силами. Это, кстати, полностью подтвердила практика, жизнь.

Наконец, в-третьих, и это, пожалуй, ключ — назовем это так — недоразумению. Упомянутые цитаты взяты не прямо из «рабочей тетради» Аношкина, а из комментария к ней, написанного Марком Крамером. При этом он не только вложил всякие слова в мои уста, но добавил некоторые из них явно тенденциозно обработал.

Сигнальный характер заметки-информации Эрнеста Скальского ограничивает меня в разъяснении других тем. При этом я убежден, что г-н редактор писал эту заметку, не руководствуясь пристрастным умыслом, — это к тому же следует из второй части его текста. Попросту, видимо, все решила спешка, недостаточно внимательное рассмотрение и различие «источника» — правду сказать, весьма сомнительного — и его одностороннего, в какой-то степени даже карикатурного комментария. К сожалению, именно этот комментарий может стать для некоторых лиц и кругов предлогом вновь углубить исторические разделения и попытаться их эксплуатировать.

Войцех Ярузельский

От редакции [«Газеты выборчей»]:

«Тетрадь» — это сжатые, хаотические и неясные записи. При первом чтении я доверился необоснованному истолкованию Марка Крамера, за что приношу извинения.

Эрнест Скальский

Наталья Горбаневская

ДРУГАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Наталья Горбаневская

ДРУГАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Я этой тетради не читала. Охотно верю, что это «сжатые, хаотические и неясные записи» и что из этого хаоса и неясности комментатор сделал слишком далеко идущие выводы.

Но есть ведь и другие материалы, гораздо более подробные, систематические и ясные — протоколы заседаний политбюро ЦК КПСС, мне (и польскому читателю) известные по книге Владимира Буковского «Московский процесс».

Среди читателей «Новой Польши», возможно, найдется немало таких, кто книгу Буковского (вышедшую по-русски в московском издательстве «МИК») прозевал. Для них приведу самые красноречивые места.

В апреле 1981 г. в ответ на «пожелания друзей», (конкретно — на просьбу Станислава Кани, тогдашнего первого секретаря ЦК ПОРП) «вблизи Бреста, в вагоне» состоялась тайная встреча Андропова и Устинова с Канем и Ярузельским, тогда премьер-министром и министром обороны. Буковский пишет: «По сути дела, именно на ней и решался вопрос о будущем военном положении». Можно ли сказать, что он пристрастно комментирует, если Андропов передает свои рекомендации «друзьям» следующим образом:

«Что касается военного положения, то можно было бы ввести его давно. (...) Проект документов о введении военного положения с помощью наших товарищ подтвержден, и надо эти документы подписать. (...) Тогда после нашего разъяснения т.т. Каня и Ярузельский сказали, что они 11 апреля просмотрят и подпишут этот документ».

Некоторые боятся, что если готовившееся советское вторжение признать мифом, то брежневское политбюро будет обелено. Нет, и сами документы о введении военного положения готовились «с помощью наших товарищ» (возможно, из созданной осенью 1980 г. комиссии по польским делам при политбюро КПСС), а по словам Устинова, выступившего после Андропова, — прямо «нашими товарищами».

В сентябре 1981 г. Ярузельский сменил Каню на посту первого секретаря ЦК ПОРП, сохранив за собой и все прежние должности. «...я согласился на этот пост с большой внутренней борьбой и только потому, что знал, что Вы поддерживаете меня и что Вы за такое решение. (...) ...я понял, что это правильно и необходимо, если Вы лично так считаете», — говорит Ярузельский в телефонном разговоре с Брежневым. Это не столько избрание, сколько назначение. Вот не мифическая — но не военная, а политическая — «рука Москвы».

Десять дней спустя вожди КПСС снова обсуждают положение в Польше:

«АНДРОПОВ. Польские руководители поговаривают о военной помощи со стороны братских стран. Однако нам нужно твердо придерживаться своей линии — войска в Польшу не вводить.

УСТИНОВ. Вообще надо сказать, что наши войска вводить в Польшу нельзя. Они, поляки, не готовы принять наши войска».

«Не готовы принять» значит «готовы оказать вооруженное сопротивление», что в то время понимали и грудные младенцы. Даже польская армия, которая впоследствии так неожиданно послушно «вводила» военное положение, была подозрительна на предмет отношения к «братской помощи». И, кстати, я хорошо помню, что в первые годы гипотезы о введении военного положения как «спасении» от советского вторжения не возникало — она возникла уже под конец 80-х, и автором ее был, не без участия разнообразных подпевал, не кто иной, как генерал Ярузельский. Не менее любопытно, что эту гипотезу позднее своеобразно подтвердили сведения (о том, что советское вторжение якобы все-таки готовилось) полковника Куклинского, американского шпиона, бежавшего в США в ноябре 81-го, —

ныне национального героя польских антикоммунистов, а для коммунистов по-прежнему государственного изменника. Странным образом, ни те, ни другие не анализируют, что именно он сообщал тогда американцам, а потом — свободной польской прессе. И генерал Ярузельский, кажется, не ссылается на Куклинского.

Вернемся, однако, к нашим баарам.

«...10 декабря, — пишет Буковский, — то есть за три дня до введения военного положения в Польше, политбюро КПСС все еще не знало точно, что предпримет Ярузельский. Это, пожалуй, самый интересный и убедительный из документов».

Из выступления Русакова: «...на заседании Политбюро (ПОРП. — Н.Г.) решение о введении военного положения (...) было принято единогласно (...). Вместе с тем Ярузельский имеет в виду связаться по этому вопросу с союзниками. Он говорит, что если польские силы не справятся с сопротивлением "Солидарности", то польские товарищи надеются на помощь других стран, вплоть до введения вооруженных сил на территорию Польши. При этом Ярузельский ссылается на выступление т. Куликова, который будто бы сказал, что помочь СССР и союзных государств военными силами Польше будет оказана. Однако, насколько мне известно, т. Куликов сказал не прямо, он просто повторил слова, которые в свое время были сказаны Л.И. Брежневым о том, что мы ПНР в беде не оставим».

Из выступления Андропова: «...наша позиция (...) является правильной и отступать от нее мы не должны. Иначе говоря, мы занимаем позицию интернациональной помощи, мы озабочены сложившейся в Польше обстановкой, но что касается проведения операции "Х", то это целиком и полностью должно быть решением польских товарищней, как они решат, так тому и быть. Мы не будем настаивать на этом и отговаривать не будем. (...) Мы не можем рисковать. (...) Я не знаю, как будет обстоять дело с Польшей, но если даже Польша будет под властью "Солидарности", то это будет одно. А если на Советский Союз обрушатся капиталистические страны, а у них уже есть соответствующая договоренность с различного рода экономическими и политическими санкциями, то для нас это будет очень тяжело. Мы должны проявлять заботу о нашей стране, об укреплении Советского Союза. Это наша главная линия».

Без пяти минут генеральный секретарь, Андропов понимает, что вторжение в Польшу самоубийственно, и предпочитает ему даже «Польшу под властью "Солидарности"», т.е. тоже самоубийство, но, может быть, чуть отложенное. Военное положение еще замедлило приход этого самоубийства, стремление к которому было, видимо, внутренне присуще «тысячелетнему» коммунистическому Рейху.

Из выступления Громыко, главного советского дипломата: «...мы должны будем как-то погасить настроение Ярузельского и других руководителей Польши относительно ввода войск. Никакого ввода войск в Польшу быть не может. Я думаю, что мы можем дать поручение нашему послу посетить Ярузельского и сообщить ему об этом».

Суслов, кажется, забыл, что они, в общем-то, в своем кругу, и начинает свою речь барабанно, как никто: «мы сказали во всеуслышание народу... наш народ поддержал...», — но и этой барабанности проскальзывает истинный мотив, по которому им «нельзя менять свою позицию в отношении Польши»: «Мы проводим большую работу за мир, и теперь нам нельзя менять свою позицию. Мировое общественное мнение нас не поймет». (Это «не поймет» вроде устиновского «не готовы принять»). Но вдруг он начинает говорить почти человеческим голосом, к которому сегодня стоит прислушаться:

«Как мне кажется, Ярузельский проявляет некоторую хитрость. Он хочет отгородить себя просьбами, которые предъявляет к Советскому Союзу. Эти просьбы, естественно, мы выполнить физически не имеем возможности, а Ярузельский потом скажет, что вот-де я обращался к Советскому Союзу, просил помощи, а этой помощи не получил».

Теперь мы видим, что в переменившихся обстоятельствах Ярузельский действительно «проявил некоторую хитрость», но, естественно, «сказал» совсем противоположное: что «помощи» не только не просил, а еще от нее спас.

И вот наконец сообщение «братьским партиям» после 13 декабря:

«...условием успешного проведения акции польские товарищи рассматривали строгую секретность. О ней было известно лишь в узком кругу окружения В. Ярузельского. Благодаря этому друзьям удалось застигнуть противника врасплох, и операция пока проходит удовлетворительно.

В самый канун осуществления намеченного плана В.Ярузельский сообщил об этом в Москву. Ему передали, что советское руководство относится к такому решению польских товарищ с пониманием. При этом мы исходим из того, что польские друзья будут решать эти вопросы внутренними силами». (В переводе на обычный язык: «Ваше постановление о введении военного положения выполнил. — Вот и молодец. А наших войск и дальше не жди».)

И как тут оставаться в убеждении, что «самое тяжкое обвинение, выдвигаемое против генерала и касающееся обращения к СССР за “братской помощью” (...) лишено оснований и оскорбительно»? Мой давний друг Виктор Куллерский, сам человек чистый, глубоко порядочный и бесхитростный, видимо, не может себе представить, что кто-то, не желая остаться в истории плохим, а желая остаться хорошим (хоть и самокритичным), способен слегка, скажем так, пофантазировать. Свою гипотезу о спасении отечества генерал успел выдвинуть в те промежуточные времена, когда вообразить себе, что будут открыты архивы ЦК и в них найдется *такое*, было еще невозможно. Но архивы открыты, а от своей же гипотезы никуда не денешься — приходится и дальше ее защищать. Если «Рабочая тетрадь» Аношкина — действительно такая неудачная публикация, то генералу было легко на ней отыграться. Но вот, говорят, он на Буковского в суд подавать собирался, что, мол, все это сфабриковано и фальсифицировано. Интересно, подал ли?

Наталья Горбаневская
Париж, 5 февраля 2000

Виктор Ворошильский

ЗАМЕТКИ ОЧЕВИДЦА

«Духи и бесы Октября»

Я не горю симпатией к Войцеху Ярузельскому, но его биография представляется мне другим образцом современной судьбы, историей «польского паныча», зажатого жестокими обстоятельствами катаклизма, в котором он пытался уцелеть, то есть приспособиться, правильно реагировать и на кнут, и на пряник, дать себя выпелить, пусть и из другого теста, в требуемой обстоятельствами форме, внутренне отождествиться с ней, угрозу преобразить в шанс. И когда я думаю о 13 декабря, то я, конечно, на другой стороне бастионов, и меня злят рьяные апологеты того, что произошло, но я не посмел бы и утверждать, что в то время в игру наверняка не входила еще более чудовищная московская интервенция (уже на нарах Бялоленки по ночам я размышлял: «а если это так?»), хоть воспоминания и комментарии, которые генерал цедит сквозь зубы, не облегчают реконструкции полной картины событий тех недель. Но не беспокойтесь — не завтра, так послезавтра очередные ре скрипты выпорхнут из объятого пожаром адского архива, и какой-нибудь порыв ветра принесет их в нашу сторону. Подождем...

ноябрь 1992

«Почему мы не встречаемся?»

Вышесказанное не означает, что я «приписываю благородные намерения» генералу Ярузельскому в тех или иных моментах его загадочной биографии — я просто-напросто ничего о них не знаю. Но если согласиться, с тем что цивилизованный способ передачи власти польскими коммунистами вытекал «только» из трезвого осознания (раньше, чем в других частях империи, не исключая и самой России) неизбежного краха коммунизма и из страха перед кровопролитием с обеих сторон, которое может сопутствовать этому краху, разве это недостаточное основание оставить человека в покое и не выискивать мелочных предлогов, чтобы посадить политически разбитого пенсионера на скамью подсудимых? Вот как я думаю, хотя творец военного положения — фигура для меня непривлекательная и дружить я с ним не собираюсь.

май 1993

Виктор Ворошильский (1927 – 1996). Поэт, прозаик, переводчик русской поэзии и прозы. В 70-е и 80-е годы – деятель демократической оппозиции, и период военного положения был интернирован.

Виктор Ворошильский

ЗАМЕТКИ ОЧЕВИДЦА

Наталья Горбаневская

ДРУГАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Я этой тетради не читала. Охотно верю, что это «сжатые, хаотические и неясные записи» и что из этого хаоса и неясности комментатор сделал слишком далеко идущие выводы.

Но есть ведь и другие материалы, гораздо более подробные, систематические и ясные — протоколы заседаний политбюро ЦК КПСС, мне (и польскому читателю) известные по книге Владимира Буковского «Московский процесс».

Среди читателей «Новой Польши», возможно, найдется немало таких, кто книгу Буковского (вышедшую по-русски в московском издательстве «МИК») прозевал. Для них приведу самые красноречивые места.

В апреле 1981 г. в ответ на «пожелания друзей», (конкретно — на просьбу Станислава Кани, тогдашнего первого секретаря ЦК ПОРП) «вблизи Бреста, в вагоне» состоялась тайная встреча Андропова и Устинова с Канем и Ярузельским, тогда премьер-министром и министром обороны. Буковский пишет: «По сути дела, именно на ней и решался вопрос о будущем военном положении». Можно ли сказать, что он пристрастно комментирует, если Андропов передает свои рекомендации «друзьям» следующим образом:

«Что касается военного положения, то можно было бы ввести его давно. (...) Проект документов о введении военного положения с помощью наших товарищ подтвержден, и надо эти документы подписать. (...) Тогда после нашего разъяснения т.т. Кани и Ярузельский сказали, что они 11 апреля просмотрят и подпишут этот документ».

Некоторые боятся, что если готовившееся советское вторжение признать мифом, то брежневское политбюро будет обелено. Нет, и сами документы о введении военного положения готовились «с помощью наших товарищ» (возможно, из созданной осенью 1980 г. комиссии по польским делам при политбюро КПСС), а по словам Устинова, выступившего после Андропова, — прямо «нашими товарищами».

В сентябре 1981 г. Ярузельский сменил Каню на посту первого секретаря ЦК ПОРП, сохранив за собой и все прежние должности. «...я согласился на этот пост с большой внутренней борьбой и только потому, что знал, что Вы поддерживаете меня и что Вы за такое решение. (...) ...я понял, что это правильно и необходимо, если Вы лично так считаете», — говорит Ярузельский в телефонном разговоре с Брежневым. Это не столько избрание, сколько назначение. Вот не мифическая — но не военная, а политическая — «рука Москвы».

Десять дней спустя вожди КПСС снова обсуждают положение в Польше:

«АНДРОПОВ. Польские руководители поговаривают о военной помощи со стороны братских стран. Однако нам нужно твердо придерживаться своей линии — войска в Польшу не вводить.

УСТИНОВ. Вообще надо сказать, что наши войска вводить в Польшу нельзя. Они, поляки, не готовы принять наши войска».

«Не готовы принять» значит «готовы оказать вооруженное сопротивление», что в то время понимали и грудные младенцы. Даже польская армия, которая впоследствии так неожиданно послушно «вводила» военное положение, была подозрительна на предмет отношения к «братской помощи». И, кстати, я хорошо помню, что в первые годы гипотезы о введении военного положения как «спасении» от советского вторжения не возникало — она возникла уже под конец 80-х, и автором ее был, не без участия разнообразных подпевал, не кто иной, как генерал Ярузельский. Не менее любопытно, что эту гипотезу позднее своеобразно подтвердили сведения (о том, что советское вторжение якобы все-таки готовилось) полковника Куклинского, американского шпиона, бежавшего в США в ноябре 81-го, —

ныне национального героя польских антикоммунистов, а для коммунистов по-прежнему государственного изменника. Странным образом, ни те, ни другие не анализируют, что именно он сообщал тогда американцам, а потом — свободной польской прессе. И генерал Ярузельский, кажется, не ссылается на Куклинского.

Вернемся, однако, к нашим баарам.

«...10 декабря, — пишет Буковский, — то есть за три дня до введения военного положения в Польше, политбюро КПСС все еще не знало точно, что предпримет Ярузельский. Это, пожалуй, самый интересный и убедительный из документов».

Из выступления Русакова: «...на заседании Политбюро (ПОРП. — Н.Г.) решение о введении военного положения (...) было принято единогласно (...). Вместе с тем Ярузельский имеет в виду связаться по этому вопросу с союзниками. Он говорит, что если польские силы не справятся с сопротивлением "Солидарности", то польские товарищи надеются на помощь других стран, вплоть до введения вооруженных сил на территорию Польши. При этом Ярузельский ссылается на выступление т. Куликова, который будто бы сказал, что помочь СССР и союзных государств военными силами Польше будет оказана. Однако, насколько мне известно, т. Куликов сказал не прямо, он просто повторил слова, которые в свое время были сказаны Л.И. Брежневым о том, что мы ПНР в беде не оставим».

Из выступления Андропова: «...наша позиция (...) является правильной и отступать от нее мы не должны. Иначе говоря, мы занимаем позицию интернациональной помощи, мы озабочены сложившейся в Польше обстановкой, но что касается проведения операции "Х", то это целиком и полностью должно быть решением польских товарищней, как они решат, так тому и быть. Мы не будем настаивать на этом и отговаривать не будем. (...) Мы не можем рисковать. (...) Я не знаю, как будет обстоять дело с Польшей, но если даже Польша будет под властью "Солидарности", то это будет одно. А если на Советский Союз обрушатся капиталистические страны, а у них уже есть соответствующая договоренность с различного рода экономическими и политическими санкциями, то для нас это будет очень тяжело. Мы должны проявлять заботу о нашей стране, об укреплении Советского Союза. Это наша главная линия».

Без пяти минут генеральный секретарь, Андропов понимает, что вторжение в Польшу самоубийственно, и предпочитает ему даже «Польшу под властью "Солидарности"», т.е. тоже самоубийство, но, может быть, чуть отложенное. Военное положение еще замедлило приход этого самоубийства, стремление к которому было, видимо, внутренне присуще «тысячелетнему» коммунистическому Рейху.

Из выступления Громыко, главного советского дипломата: «...мы должны будем как-то погасить настроение Ярузельского и других руководителей Польши относительно ввода войск. Никакого ввода войск в Польшу быть не может. Я думаю, что мы можем дать поручение нашему послу посетить Ярузельского и сообщить ему об этом».

Суслов, кажется, забыл, что они, в общем-то, в своем кругу, и начинает свою речь барабанно, как никто: «мы сказали во всеуслышание народу... наш народ поддержал...», — но и этой барабанности проскальзывает истинный мотив, по которому им «нельзя менять свою позицию в отношении Польши»: «Мы проводим большую работу за мир, и теперь нам нельзя менять свою позицию. Мировое общественное мнение нас не поймет». (Это «не поймет» вроде устиновского «не готовы принять»). Но вдруг он начинает говорить почти человеческим голосом, к которому сегодня стоит прислушаться:

«Как мне кажется, Ярузельский проявляет некоторую хитрость. Он хочет отгородить себя просьбами, которые предъявляет к Советскому Союзу. Эти просьбы, естественно, мы выполнить физически не имеем возможности, а Ярузельский потом скажет, что вот-де я обращался к Советскому Союзу, просил помощи, а этой помощи не получил».

Теперь мы видим, что в переменившихся обстоятельствах Ярузельский действительно «проявил некоторую хитрость», но, естественно, «сказал» совсем противоположное: что «помощи» не только не просил, а еще от нее спас.

И вот наконец сообщение «братьским партиям» после 13 декабря:

«...условием успешного проведения акции польские товарищи рассматривали строгую секретность. О ней было известно лишь в узком кругу окружения В. Ярузельского. Благодаря этому друзьям удалось застигнуть противника врасплох, и операция пока проходит удовлетворительно.

В самый канун осуществления намеченного плана В.Ярузельский сообщил об этом в Москву. Ему передали, что советское руководство относится к такому решению польских товарищ с пониманием. При этом мы исходим из того, что польские друзья будут решать эти вопросы внутренними силами». (В переводе на обычный язык: «Ваше постановление о введении военного положения выполнил. — Вот и молодец. А наших войск и дальше не жди».)

И как тут оставаться в убеждении, что «самое тяжкое обвинение, выдвигаемое против генерала и касающееся обращения к СССР за “братской помощью” (...) лишено оснований и оскорбительно»? Мой давний друг Виктор Куллерский, сам человек чистый, глубоко порядочный и бесхитростный, видимо, не может себе представить, что кто-то, не желая остаться в истории плохим, а желая остаться хорошим (хоть и самокритичным), способен слегка, скажем так, пофантазировать. Свою гипотезу о спасении отечества генерал успел выдвинуть в те промежуточные времена, когда вообразить себе, что будут открыты архивы ЦК и в них найдется *такое*, было еще невозможно. Но архивы открыты, а от своей же гипотезы никуда не денешься — приходится и дальше ее защищать. Если «Рабочая тетрадь» Аношкина — действительно такая неудачная публикация, то генералу было легко на ней отыграться. Но вот, говорят, он на Буковского в суд подавать собирался, что, мол, все это сфабриковано и фальсифицировано. Интересно, подал ли?

Наталья Горбаневская
Париж, 5 февраля 2000

Виктор Ворошильский

ЗАМЕТКИ ОЧЕВИДЦА

«Духи и бесы Октября»

Я не горю симпатией к Войцеху Ярузельскому, но его биография представляется мне другим образцом современной судьбы, историей «польского паныча», зажатого жестокими обстоятельствами катаклизма, в котором он пытался уцелеть, то есть приспособиться, правильно реагировать и на кнут, и на пряник, дать себя выпелить, пусть и из другого теста, в требуемой обстоятельствами форме, внутренне отождествиться с ней, угрозу преобразить в шанс. И когда я думаю о 13 декабря, то я, конечно, на другой стороне бастионов, и меня злят рьяные апологеты того, что произошло, но я не посмел бы и утверждать, что в то время в игру наверняка не входила еще более чудовищная московская интервенция (уже на нарах Бялоленки по ночам я размышлял: «а если это так?»), хоть воспоминания и комментарии, которые генерал цедит сквозь зубы, не облегчают реконструкции полной картины событий тех недель. Но не беспокойтесь — не завтра, так послезавтра очередные ре скрипты выпорхнут из объятого пожаром адского архива, и какой-нибудь порыв ветра принесет их в нашу сторону. Подождем...

ноябрь 1992

«Почему мы не встречаемся?»

Вышесказанное не означает, что я «приписываю благородные намерения» генералу Ярузельскому в тех или иных моментах его загадочной биографии — я просто-напросто ничего о них не знаю. Но если согласиться, с тем что цивилизованный способ передачи власти польскими коммунистами вытекал «только» из трезвого осознания (раньше, чем в других частях империи, не исключая и самой России) неизбежного краха коммунизма и из страха перед кровопролитием с обеих сторон, которое может сопутствовать этому краху, разве это недостаточное основание оставить человека в покое и не выискивать мелочных предлогов, чтобы посадить политически разбитого пенсионера на скамью подсудимых? Вот как я думаю, хотя творец военного положения — фигура для меня непривлекательная и дружить я с ним не собираюсь.

май 1993

Виктор Ворошильский (1927 – 1996). Поэт, прозаик, переводчик русской поэзии и прозы. В 70-е и 80-е годы – деятель демократической оппозиции, и период военного положения был интернирован.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

❖ Министерство иностранных дел, Польская почта, Польское радио и издатель газеты «Жечпосполита» выделили средства на 200 радиоприемников, работающих на длинных волнах и в верхнем диапазоне УКВ, а также годовые подписки на «Жечпосполиту» — для польских центров за границей, переводчиков польской литературы, популяризаторов польской проблематики и для польских организаций в Центральной и Восточной Европе и в Казахстане.

❖ Трудно переоценить роль, которую сыграла парижская «Культура» в формировании политических представлений поляков. Этот ежемесячный эмигрантский журнал был основан Ежи Гедройцем в 1947 году. «„Культура” стремится использовать свою свободу от политического гнета и притеснений не с тем, чтобы служить польскому гетто в эмиграции, но чтобы преодолеть его изоляцию по отношению как к Европе, так и к Польше», — читали мы в ее первом номере. В 1999 г. вышла в свет двухтомная антология «Образ Польши на страницах „Культуры”. 1947-1976», составленная Гражиной Помян. Это сборник интереснейших документов, регистрирующих эволюцию позиций и умонастроений поляков при общественном устройстве, где государство приучает граждан, что оно будет за них думать и действовать. Антология завершается 1976 годом (хотя журнал выходит по сей день), так как «в Польше, — читаем мы во вступительной статье, — тогда сформировались первые оппозиционные группы, которым „Культура” открыла свои страницы, превращаясь из эмигрантского журнала в отечественный. С тех пор уже не ограничивались документальной записью действительности, а пробовали ее преобразить».

❖ Литературную премию им. Зигмунта Герца, ежегодно присуждаемую парижской «Культурой», получил Тадеуш Ружевич. Он награжден не только как замечательный поэт, но и как драматург, пьесы которого изменили облик польского театра, и прозаик. Лауреат со свойственной ему строптивостью сказал в интервью «Газете выборчей»: «Премия парижской „Культуры” — приятный сюрприз. Но лавры так или иначе мешают. Лауреат потом считает, что должен держать все такой же высокий уровень, испытывает обязанность быть мудрым, интеллигентным. Есть люди, кому кажется, что теперь надо писать серьезно, боятся написать какую-нибудь глупость. А какое это удовольствие — писать глупости!»

❖ Одним из лауреатов литературной премии польского Фонда культуры стал Стефан Хвин за роман «Эсфири», книгу о красоте жизни, беге времени и страданий. Остальными лауреатами этой премии стали Иоанна Полляк за сборник эссе «Глина и свет» и Петр Мицнер за сборник стихов «Мышесыр».

❖ «Юлиан Тувим. Неизвестные произведения. Из собрания Томаша Неводничанского в Битбурге» — так называется недавно выпущенный сборник текстов замечательного поэта, умершего почти 50 лет назад. Книга стала литературной сенсацией последних месяцев. Рукопись обнаружилась в Нью-Йорке, на аукционе, где ее купил польский библиофил, живущий в Германии Томаш Неводничанский, крупнейший за пределами нашей страны ча-

Юзеф Мехоффер,
Св. Казимир, проект витража, 1905

стный коллекционер изданий, связанных с Польшей. Он представил рукопись варшавскому Музею литературы.

❖ На Международной ярмарке индустрии грамзаписи (MIDEM) в Канне премия лучшему живущему композитору присуждена Кшиштофу Пендерецкому. Принимая награду, Пендерецкий сказал: «Я рассматриваю это как торжество открытого ума над уже склеротическим авангардом 60-х годов».

❖ Событием в польском театре стала премьера «Свадьбы» Станислава Выспянского в постановке Ежи Гжегожевского на сцене Национального театра («Театра Народового»). Самая знаменитая польская драма, написанная в 1901 г., носит характер политического трагифарса, который и сегодня звучит поразительно злободневно.

❖ В Польше по-прежнему весьма успешно конкурирует с «живым» театром Театр Телевидения. Телеспектакли, идущие каждый понедельник на протяжении почти 50 лет, заработали высокую репутацию и приобрели постоянных зрителей. Театр Телевидения уже имеет свою классику. Именно эти классические спектакли, ныне вновь показываемые по телевидению, выходят также на видеокассетах серии «Золотая сотня Театра ТВ». Среди них замечательные спектакли самых видных творцов этой сцены, в т.ч. Адама Ханушкевича и Ежи Антчака. Одним из самых интересных телеспектаклей были недавно показанные «Представление “Гамлета” в деревне Глухая Нижняя» Иво Брешана в постановке Ольги Липинской и «Парады» Яна Потоцкого в постановке Кшиштофа Залесского.

❖ 50 лет своего существования отметила Студия документальных и художественных фильмов. Именно там некогда создавались выдающиеся произведения «польской школы» документального кино, корифеями которой были Казимеж Карабаш, Ежи Хоффман и Эдуард Скужецкий, Мариуш Вальтер, а теперь стали Марцель Лозинский, Павел Лозинский и др.

❖ Наряду с «Оскаром» Анджея Вайды крупнейшим событием в нашем мире кино была премьера последнего фильма Романа Полянского «Девятые врата» и приезд в Польшу самого автора. Полянский пообещал, что следующий фильм он будет снимать в Польше: в нем будут показаны необычайно драматические испытания известного пианиста и композитора Владислава Шпильмана в оккупированной Варшаве.

❖ Марек Кондрат, отличный и весьма популярный актер, дебютировал как кинорежиссер фильмом «Право отца», в котором также играет роль отца изнасилованной девушки, в одиночку дающего бой преступному миру.

❖ В варшавском Музее литературы открыта выставка «Польша — Япония. 1919-1999», организованная по случаю 80-летия установления дипломатических отношений с Японией.

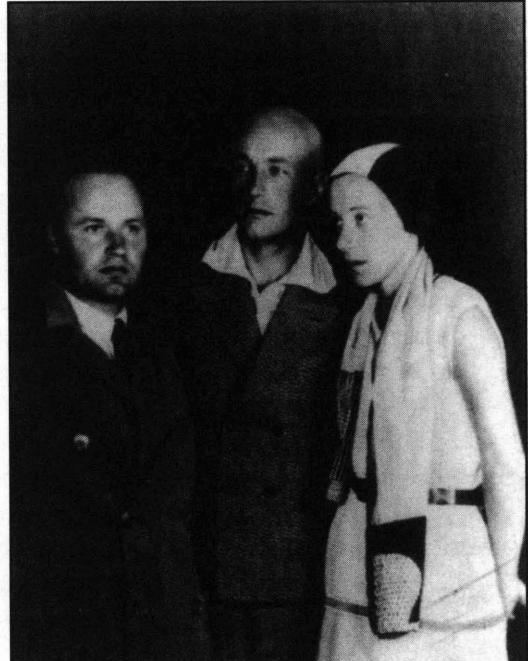
Выставка соединяет историко-дипломатическую и культурную тематику. До Варшавы она экспонировалась в Токио и Осаке.

❖ Художник Эдвард Двурник показывает в фойе Национальной филармонии свои новейшие работы, вдохновленные музыкой. Наряду с ними он выставил акварели из цикла «Путешествия автостопом» — виды польских городов. «Я объективный, твердый реалист, — сказал художник. — Многие люди узнают себя на моих картинах — в повседневном труде, отдыхе, забаве, гулянках».

❖ В Национальном музее в Кракове открыта выставка работ выдающегося художника Юзефа Мехоффера, принадлежавшего к движению «Молодой Польши». В экспозицию наряду с картинами включены проекты витражей и фресок для собора в Плоцке и интерьера армянского собора во Львове.

❖ В варшавской «Захенте» — выставка скульптур Катажины Кобро и мемориальных материалов о ней. Дочь немца и русской, жена художника Владислава Стржеминского, с которым она в начале 20-х приехала из России в Польшу, Катажина Кобро художественно возрастила в период расцвета русского искусства. Надолго забытая, она наконец дождалась признания: ее работы показывают в самых известных музеях мира. Теперь ее сравнивают с самыми видными творцами мирового авангарда, а умерла Катажина Кобро в 1951 г. в лодзинской богадельне.

❖ Десятую годовщину своего существования отметил Музей Независимости, размещающийся во дворце Пшебендовских-Радзивиллов, где много лет находился музей Ленина. Директор Музея Независимости утверждает, что все экспонаты, связанные с Лениным, были всего лишь копиями с оригиналами, хранившимися в Москве. Ныне их заменили экспонаты, документы и фотографии, посвященные Польше и ее борьбе за независимость в период от революции 1905 г. и по 80-е годы включительно. Самые последние, относящиеся к 80-м годам, документально представляют деятельность оппозиции вплоть до заседаний «круглого стола».

Ю. Пшибош, В. Стржеминский, К. Кобро
Ок. 1932 г. Фото — архив Музея искусств, Лодзь

Лешек Шаруга

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Лешек Шаруга

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Продолжается дискуссия о переменах в польской поэзии 90-х годов, начатая уже обсуждавшейся на наших страницах статьей Мариана Стали в «**Тыгоднике повсеместном**». Теперь слово взял Юлиан Корнхаузер, один из наиболее значительных поэтов «поколения-68», ровесник Станислава Баранчака и Адама Загаевского (вместе с Загаевским четверть века назад он опубликовал ставшую знаменитой программную книгу «Непредставленный мир»). В статье под многозначительным названием «После фестиваля иллюзий» Корнхаузер в «**Тыгоднике повсеместном**» (№4) так пишет о прошедшем десятилетии: «Многие хотели бы видеть этот период как существенную веху, прорыв незаурядных талантов, проявление новых ценностей. Ничего этого не произошло. Увы, первоначальный энтузиазм, связанный с ожиданием художественного чуда (вслед за экономическим), и изображение “нового” мира превратились в явления в духе масс-медиа, в один из поставленных спектаклей под названием “вот вам ваши поэты”. Вместо подлинных личностей и выдающихся книг перед нами предстали внушительных размеров антологии и бесконечные фестивали молодой литературы». Тут следовало бы добавить, что «экономическое чудо» Бальцеровича сделало возможным по крайней мере одно — издание этих антологий и тысяч поэтических сборников (все их прочесть просто невозможно). Поэты не стали от этого богаче, но хоть как-то отметили свое существование. В то же время — и это уже имеет характер манипуляции и относится к явлениям, граничащим с массовой культурой, — мы столкнулись со своего рода «террором дебюта». Вдали от шума происходили и происходят важные вещи — скажем, по-прежнему рас-

тет влияние Милоша: «Именно он зачинает важнейшие дискуссии; именно в его новых произведениях следует искать самые существенные дилеммы, связанные с уходящим веком. И, несмотря на это, о его новых книгах никто всерьез не размышляет. (...) Его многомерное творчество, разделенное важными историческими событиями, отмеченное опытом эмигранта, ускользает от попыток описания, впрочем, весьма немногочисленных. Именно он, превосходящий мощью своего творчества и значением мысли всех современных писателей, он, в годы угнетения указавший путь многим польским интеллигентам, теперь вдруг в известном смысле отодвинут в сторону».

Трудно отказать Корнхаузеру в правоте, — кстати, речь не только о Милоше, но и о многих других писателях старших поколений: искатели «духа свободы», сосредоточившись на дебютах, вытолкнули их из центра внимания, прежде всего из центра внимания средств массовой информации. Одной из причин этого стал описанный Корнхаузером «синдром люстрации»: «Все последнее десятилетие прошло под знаком политических разоблачений писателей, особенно писателей первого ряда. (...) Хватали за рукав Милоша, сухой нитки не оставили на Шимборской, попрекали партийным прошлым других писателей. Даже странно, что почти не тронули Ружевича, которого пытались использовать в своих интересах и та, и другая сторона. (...) Из этого видно, что люстрация была вовсе не спонтанной реакцией, а тщательно поставленным спектаклем, своеобразной селекцией и манипулированием. С этой целью использовали и Збигнева Херberга, особенно после его острых публицистических выступлений, в которых он бескомпромиссно

расправился с некоторыми своими коллегами по перу. Шумиха вокруг Херберта, в том числе и после его смерти, почти полностью заглушила звучание трех его новых выдающихся стихотворных книг и тома эссеистики. (...) Так произошло удивительное смешение ценностей. В своих исследованиях и книгах о молодых критики полностью отступали от политического контекста, швыряли в корзину идеологии и симпатии, склоняясь над каждым словом, будто в нем скрыта какая-то невероятная истина. Зато о самых выдающихся во многих случаях писали не в перспективе поэтического слова, а применяя категории политические. О чем это свидетельствует? Не только о четком разделении писательской среды или об ином историческом опыте, но и об отсутствии единого критерия, с помощью которого можно было бы оценивать художественное произведение».

Эти замечания кажутся справедливыми, как и то, что Корнхаузер подчеркивает распавший авторитет творчества Вата: «Но настоящим героем 90-х годов стал Александр Ват. Были впервые опубликованы несколько монографий (в том числе великолепных) об этом поэте для эрудитов, которого Чеслав Милош включил в канон польской лирики. Этот относительно поздний эмигрант после многих лет забвения явно стал точкой отсчета, быть может, не столько для самих поэтов, сколько для литературоведов. Если можно говорить о заметном в 90-е годы, особенно во второй половине десятилетия, отсутствии интереса к эмигрантской литературе, за исключением немногих авторов, то, бесспорно, нельзя не заметить нового явления. Оно состоит в том, что на просторах эмиграции стали находить таких писателей, которые прежде по разным причинам не вошли в основной канон литературы в изгнании. Именно в такой перспективе следует рассматривать Вата, а также прозаика Лео Липского». Добавим кстати, что две новых публикации Липского — рассказ «Эля» и размышление «О крысах» — можно найти в

12-м номере парижской «Культуры» за прошлый год.

А первый номер «Культуры» за этот год принес сообщение о том, что ежегодная премия журнала (литературная премия имени Зыгмунта Герца, одна из самых престижных в современной польской литературе) присуждена Тадеушу Ружевичу. В интервью «Газете выборчей» (2000, №22) поэт сказал: «Премия парижской “Культуры” — приятный сюрприз. Но лавры так или иначе мешают. Лауреат потом считает, что должен держать все такой же высокий уровень, испытывает обязанность быть мудрым, интеллигентным. Есть такие, кому кажется, что теперь надо писать серьезно, боятся написать какую-нибудь глупость. А какое это удовольствие — писать глупости! Кстати, сатирик или автор комедий — вы, конечно, знаете, что я пишу комедии, — должен писать несерьезно. Иначе вокруг были бы одни Декарты и господа Когито, а это скучно. Я — автор комедий, так что, пожалуй, у меня трезвый внутренний взгляд на самого себя, и премии меня не изменят». Интервью, выдержанное в довольно легком, даже игривом тоне, содержит и мысли касательно общения с поэзией: «Я впитываю стихи не только своим знанием о литературе, но и всеми чувствами. Прикасаюсь к стихотворению, разглядываю его, как цветок, обоняю запах. И отличаю настоящий цветок от искусственного, хотя в Голландии уже делают цветы красивей настоящих — точно такие же, неотличимые». Настоящее стихотворение познается инстинктом: «Надо посмотреть его, как банкноту, на свет. Сразу видно, оригинал это или шаблон, использованный сотней поэтов. Хотя стихотворение — создание странное, оно меняет свою ценность во времени и пространстве. Я отношусь к стихотворению как к живому организму, который дышит, улыбается мне». В другом фрагменте интервью мы находим размышления о специфической провинциальности Вроцлава, города, в котором писатель живет и творит, — ведь Ружевич почти с са-

мого начала создавал свой образ как провинциального поэта из «маленького северного городка», поэта, наделенного «каменным воображением»: «Вроцлав как общность, возникшая после войны, открыт на все четыре стороны, продут всеми ветрами, климат в нем нездоровий, потому что Одра — это влажность, а влажность — это ревматизм. Но духовная атмосфера здесь хороша. Я часто слышу: ты не полетел в Париж, будь внимательней к Стокгольму, а не к Гожуву. А я думаю, как замечательно было на моем авторском вечере в Болеславце».

Только ли дух противоречия сказывается в этом? Безусловно, нет, хотя Ружевич любит и умеет быть упрямым. Наверняка не от упрямства идут слова о хорошей атмосфере «провинции» — о том, что здесь, вдали от центра, утихают салонные споры. Ведь открытие «провинции» — одно из тех явлений в современной польской литературе, значение которого невозможно переоценить. «Провинциальность» — не просто свидетельство децентрализации, устраниния как административного, так и символического «центра», но и опознавательный знак нового видения мира и Польши. Это заметно на примере динамичного развития журналов: взять хоть издаваемые в Люблине «Кресы», хоть выходящие в Щецине «Погранича», хоть ольштынский журнал «Боруссия». Это проявляется во всех новых попытках понять собственную самобытность. Особенно важно, очевидно, культурное возрождение Силезии, которая на протяжении почти всего послевоенного периода была — возможно, за исключением Вроцлава — своеобразной «черной дырой» культуры ПНР. В последнее десятилетие культурная жизнь Силезии, в том числе и литературная, стала гораздо динамичней, здесь выходит много литературных журналов, из которых заслуживают внимания по меньшей мере три: имеющая многолетнюю традицию вроцлавская «Одра»(2000, №1), в свежем номере которой впервые после получения Виславой Шимборской Нобелевской

премии помещены два ее новых стихотворения (а также опубликованный посмертно набросок неоконченной повести Владислава Терлецкого «Дом Князя»), а кроме того — издаваемые в Катовицах «Опции» и «Фаркт». Причем это силезское оживление воздействует на всю страну, становясь объектом внимания и в других культурных центрах. Так, несколько лет назад краковский ежеквартальный журнал «На глас» (который, к сожалению, больше не выходит) посвятил Силезии специальный номер. Недавно этому региону был посвящен большой блок материалов издающегося в Жешуве ежеквартального журнала «Фраза» (1999, №2-3), в котором привлекает внимание статья Магдалены Рабизо-Бирек о прозе живущей в Новой Руде писательницы Ольги Токарчук, чьи романы снискали доброжелательное внимание как читателей, так и критиков (в этом смысле они — своеобразный феномен): «Недавно я где-то прочла, что всякое место на земле начинает в подлинном смысле существовать, лишь когда ему посчастливится обрести своего певца — писателя или поэта. (...) Существование мира и людей становится полнее и прекрасней, когда получает соответствие в слове, как в последней книге Токарчук, где дневной дом отражается в ночном доме. Благодаря писательнице оживает забытый Богом и людьми маленький судетский анклав — местность между Валбжихом, Новой Рудой и Клодзко, которую писательница избрала своим домом». Быть может, стоит дополнить эти заметки рассуждением исторического свойства. А именно подчеркнуть: этот анклав оживает в польской литературе, которая лишь теперь, полвека спустя, почувствовала себя «дома» здесь, на землях, перешедших после войны от немцев. Однако анклав этот жив и продолжает жить в литературе его прежнего населения. Это очень важно, поскольку и тут, как на всякой территории пограничья, мы должны стремиться к свободному диалогу разных традиций и влияний не только ради того, чтобы

преодолеть накопившиеся предубеждения, но и потому, что только так, после долгих лет цензурных запретов и приказов, можно отыскать дорогу к тому, чтобы попытаться определить свою самобытность.

Постоянное повторение этой попытки было предметом внимания одного из оригинальнейших творцов не только польского, но и мирового театра, каким, без сомнения, был Ежи Гrotovский. На страницах уже упомянутого номера «*Одры*» Збигнев Майхровский пишет о его поисках в интересном очерке под названием «Кем был Ежи Гrotovский?»: «Гrotovского, очевидно, тревожила как гомогенизация культуры (однородная кашица MTV), так и всякий культурный остроклизм — расовый, национальный, этнический, религиозный. Иначе говоря: либо уравнивание и утрата самобытности, либо разделение и в результате — агрессия. Но это ложная альтернатива. По Гrotovскому, возможен и третий путь: следует отыскать общий знаменатель, заглянув в эпоху до размежевания, в эпоху, предшествовавшую дифференциации; найти момент (состояние) до появления противопоставлений. Таким образом, Гrotovский как бы восстанавливает человека внеисторичного и аполитичного». Итак, перед нами попытка реконструкции очередной утопии «третьего пути», утопии, пытающейся восстановить доисторическую и дополитическую общность «человеческой семьи». Но если понятие самобытности еще может иметь какое-то значение, то, пожалуй, невозможно обойти тот факт, что оно выросло именно на почве разделяющего сознания. И все же предпринимаемые театром благородные и добрые попытки преодолеть различия заслуживают внимания: если где-то еще и возможно сохранить смысл утопического мышления, то именно в искусстве. Однако театр Гrotovского, имевший в 70-80-е годы огромный успех в Европе и США, постепенно подвергался трансформациям, тяготея к созданию «школы жизни», опирающейся на утопию, становясь своего рода «тренировоч-

ным лагерем» для сторонников некой новой социальной инженерии. Об этом не следует забывать, изучая феномен Гrotovского.

И, наконец, — *pro domo sua*, или еще к вопросу о самобытности. «*Твурчосць*» (2000, №1) поместила лестный отзыв Земовита Федецкого о «Новой Польше», однако похвалы эти окрашены странным упреком: «По неясным причинам “Новая Польша” не упоминает о своей замечательной предшественнице. Это уже не просто промах. Это ошибка, которую следует исправить как можно скорее, тем более что пока новый журнал может лишь мечтать об успехах “Польши” Пюроковского. Впрочем, не по своей вине. Просто нынче на российском рынке польская литература и искусство — не ходовой товар». Кажется, Федецкий не совсем сознаёт, в каком мире ему сегодня приходится жить. Не говоря уж о том, что незабвенный Пюроковский редактировал исключительно западные языковые версии «Польши», весьма отличные от русской. Ясно одно: «Новая Польша» ни в коем случае не является и не хочет быть продолжением журнала «Польша» — точно так же, как Третью Речь Посполитую трудно признать продолжением ПНР. Мы живем в иной реальности, в которой русские — что до многих с трудом доходит — уже не имеют дела с регламентированной литературой и искусством; мы живем в пространстве демократического, свободного диалога, и то, что мы представляем на страницах «Новой Польши», уже не является для русских заменителем «Запада», как было в случае «Польши». Лично я предпочитаю новую ситуацию. И хотя я помню ту «Польшу», мне бы не хотелось считать редакцию, где я имею честь работать, продолжением того прекрасного, но обработанного цензорскими ножницами создания. Я не хочу возврата ситуации, в которой польская культура и искусство функционировали бы в России как товар-суррогат.

Рышард Капусцинский

О НОВОЙ КАРТЕ МИРА

Беседа с Катажиной Яновской и Петром
Мухарским

Рышард
Капусцинский

О НОВОЙ КАРТЕ МИРА

Беседа с Катажиной Яновской и Петром Мухарским

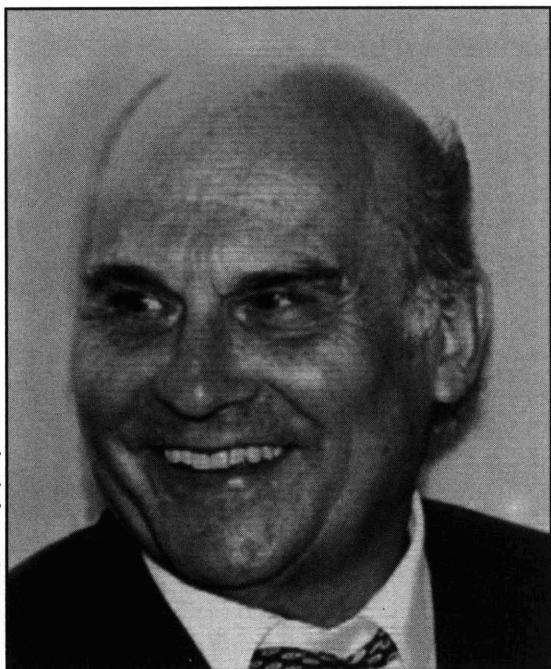

Фото PAP-CAF, Andrzej Rybczynski

Рышард Капустинский родился в 1932 г., писатель, знаменитый репортер, публицист, автор книг, «Буши по-польски», «Шах-ин-шах», «Футбольная война», «Империя», «Чёрное дерево», «Цезарь». Последнюю эсюри Публичной библиотеки Нью-Йорка включило в список «150 книг XX века»

— С окончанием холодной войны прекратил свое существование bipolarный раздел мира. Согласно каким критериям вы разделили бы его сейчас, если бы вам предстояло нарисовать новую карту планеты?

— Есть несколько критериев. Почти полувекового раздела мира на Восток и Запад более не существует. Теперь земной шар делится по-иному: на мир богатых и мир бедных. Но это половины неравные, ибо к сообществу богатых мы причисляем примерно треть человечества, в то время как в нищете прозябают две трети. И, хотя линия раздела все углубляется, все же существуют, по-

моему, некие позитивные явления, сближающие эти миры. Во-первых, на свете нет больших войн, мы живем относительно в мире, войны носят локальный характер. Те, кто вовлечен в военные действия, кто страдает от них, составляют в сумме менее одного процента человечества. Второе обстоятельство — благоприятствующая демократии атмосфера. Не было еще в истории человечества такого множества стран, где люди жили бы при демократии. Явление это новое, оно зреет годами, потому что для демократии требуются постоянные институты, ее защищающие, не говоря уже о том, что нужны традиции. Однако это явление в высшей степени положительно, ибо лишь в условиях демократии возможен дальнейший прогресс. Третьим важным фактором мне представляется рост во всех областях: изготавливается все больше товаров, улучшаются средства связи, увеличивается население земного шара — нас уже шесть миллиардов. Ежегодный прирост — 84 млн. человек.

— Выходит, рост населения кажется вам положительным явлением? Согласно некоторым популярным теориям, перенаселение представляет собой главную опасность наступающего столетия.

— Если бы сегодня правильно использовались все человеческие резервы, то наша жизнь выглядела бы по-другому. Ни науке, ни общественным системам не приходилось еще иметь дело с такими гигантскими человеческими массами, в силу чего не используется заложенная в них энергия. По некоторым подсчетам, миллиард людей — это постоянно или временно безработные. Человеческий потенциал не востребован. Люди используют свою энергию едва ли на 10-15% как в личном, так и в общественном плане. Мы еще не создали механизмов использования человеческих возможностей. Земля может про-

кормить куда больше людей, чем их живет на свете. Мир пока слабо заселен. Рисуемые черной краской картины перенаселения планеты не учитывают одного важного фактора: перенаселения можно опасться лишь с учетом существующего технического уровня. Если лучше использовать солнечную энергию, превращать соленую воду в пресную, не вырубать лесов, то наша планета прокормит значительно больше людей.

— *Вы подчеркиваете положительные стороны современного мира. Но ведь в одном только углубляющемся разделе на богатых и бедных уже скрыта опасность? Оборотная сторона медали — черная, даже очень черная.*

— В середине XX века существовало множество оптимистических экономических теорий, предсказывавших, что до конца века, т.е. до нынешнего момента, уровень жизни на Земле выровняется. Между тем механизм развития мира таков, что богатые становятся богаче, а бедные нишают. Разница огромная. Клуб мировых миллиардеров, т.е. людей, владеющих более чем миллиардом долларов, насчитывает 450 человек. Принадлежащая им собственность соответствует сумме валового национального продукта стран, где обитает 50% населения земного шара. Короче, 450 человек располагают такой же собственностью, как три миллиарда жителей планеты.

— *Отчего же это наши мир трещит по швам, отчего пропасть между бедными и богатыми все увеличивается?*

— Тут сказывается концентрация финансового капитала в руках небольшой группы учреждений. Капитал неизменно заинтересован в максимальных прибылях и устремляется туда, где может их получить. Он, собственно говоря, вне контроля. Его размеры в масштабах вселенной ограничены, но требования огромны. От него зависит выбор места инвестиций. Капитал направляется туда, где получит максимальную прибыль в условиях стабильности и мира, где его ждут условия процветания и приумножения. Он старается не делать инвестиций в областях, которые не сулят большой прибыли. Бедным сообществам не хватает, к примеру, воды. Сегодня известны разные способы оросения, но эти технологии крайне дороги, они не дают прибыли. И деньги туда не вкладывают. А вкладывают в рынок, в маркетинг, в денежные спекуляции, поскольку там возможна мгновенная прибыль. Действуя в масштабах планеты, этот механизм определяет неравномерность развития континентов и сообществ.

— *Некоторые политические движения и политики в Польше пугают нас международным капиталом. Предостерегают перед его господством. Из того, что вы сказали, однако, следует, что нам надлежит вписаться в систему правящего ныне миром капитала?*

— Да, иного выхода нет. Стоящие за этим механизмом силы столь могущественны, их господство столь значительно, что если какая-то группа или общество сравнительно небольшой страны вздумают протестовать, то их попросту прогонят из-за стола. А мест за этим столом, кстати, не так уж много. При нынешних дорогостоящих технологиях развитие без иностранного капитала невозможно. Нужны не только деньги, но и кадры международных специалистов.

— *Вы говорите об этом так, словно это рок, с которым необходимо смириться. Выходит, нам остается лишь следить за процессом разделения мира, на который у нас почти нет влияния?*

— Так примерно и есть.

— *Однако, возможно, деление на бедных и богатых имеет, кроме экономической причины, и другую, более глубокую? Не вытекает ли оно просто из различий культуры? Скажем, один тип культуры побуждает к предприимчивости, к обогащению, а другой способствует пассивности?*

— К такому выводу приходят сегодня общественные науки. После пятидесятилетнего развития, которому сопутствовало обострение неравенства, специалисты стали задавать себе разные вопросы. Почему, например, в американском обществе, обществе равноправия, единой конституции, единой валюты, одни общественные группы функционируют замечательно, а другие беспомощны? Почему корейцы, китайцы, японцы функционируют в Соединенных Штатах великолепно, но не справляются с задачей афроамериканцы? Почему дела неважны у латиноамериканцев? Ответ такой: существуют культуры, имеющие отличную от Запада иерархию ценностей. Выше работы ставится, к примеру, приятное времяпрепровождение в кругу семьи. И работают ровно столько, сколько нужно для удовле-

творения основных потребностей. Существует еще одно обстоятельство, которое увеличивает разрыв между сообществами, — образование. Сегодня господствует мнение, что прогресс и развитие демократии зависит от культурного уровня общества. А тот в свою очередь — от уровня образования. Инвестиции каждого рационально мыслящего общества должны устремляться именно в этом направлении.

— *Это значит, что бедным обществам необходимо приспосабливаться к западным стандартам?*

— Мысль о повсеместной необходимости вводить западные стандарты уже неактуальна. Это дебатировалось в начале 90-х годов, когда Фукуяма выдвинул свой тезис о конце истории и выразил уверенность, что весь мир уподобится западному обществу. С ним полемизировал американский политолог Хантингтон, который уверен, что культура Запада уникальна, неповторима и потому не следует смешивать понятие модернизации с понятием вестернизации. Государства, общества и культуры могут модернизироваться, но не должны вестернизироваться. Мусульманские страны, к примеру, осовремениваются, компьютеризируются, но, несмотря на это, не поддаются культуре Запада. Подобное же наблюдается в Японии и в Китае. Современность и силу общества сегодня определяют уже не размеры территории, как в XIX веке, а экономический и культурный уровень и жизнеспособность экономики.

— *Случалось ли вам наблюдать во время дальних путешествий территории, обреченные на полное забвение, на пребывание в недвижности? Существуют ли регионы, от которых клуб богачей отгораживается санитарным кордоном, о которых жалеют забыть?*

— Таких мест много и становится все больше. Запад, в особенности Западная Европа, не имеет ни малейшего представления о том, как решать проблемы беднейших стран и потому старается отгородиться от этого мира. Подобно тому, как в древности существовали *limes* Римской империи, так сегодня существуют границы между миром бедных и миром богатых. Современные барьеры воздвигаются разными способами. Существуют барьеры психологические и информационные. Если мы смотрим, скажем, телепрограмму и наблюдаем там какие-то негативные явления, то они неизменно связаны с Третьим миром, где происходят всякого рода войны, расправы, злодейства, разыгрываются бандитские зрелища. В эту картину вписано предостережение: они нам угрожают. И это психологический барьер. А вот другая проблема. На свете голодает 800 млн. человек, и одновременно у богатых стран колossalные излишки продовольствия, однако из этого ничего не следует. У финансовой олигархии просто нет политический воли, чтобы переправить продовольствие тем, кто в нем нуждается. Это отсутствие планетарной солидарности.

— *Средства массовой информации постоянно сообщают нам о помощи, текущей в страны Третьего мира. Это для того, чтобы успокоить нашу совесть?*

— Направляемая туда помочь ни в чем не изменяет ситуацию, даже усугубляет трудности, поддерживая статус-кво. Она не способствует ни глубоким реформам, ни преобразованиям в этих обществах. Все ограничивается перемещением наиболее желательного товара, продукта.

— *Отсюда вытекает, что существует два рода фаталистических явлений. Об одном вы уже говорили: капитал создает капитал, богатство творит богатство. Второе — его изнанка: нищета порождает нищету. Нищета деморализует, унижает, лишает человека способности самостоятельно выбраться на поверхность. Существует ли такой уровень бедности, который уже невозможно преодолеть?*

— Бедность — это субкультура. Принято считать, что проблему бедности можно решить, дав буханку хлеба, одежду, лекарство. Иные не понимают, что бедность — это ситуация, это культура. Бедный человек — это не только тот, кому не хватает хлеба или одежды. Бедный человек живет в скудости, в окружении бедняков, в мире нищеты, откуда нет выхода. Он не только живет, но и мыслит иначе. Орвелл некогда испытал на себе изменения в психике и мышлении голодного человека. Он жил в приютах для бездомных, он голодал и наблюдал, что с ним происходит, когда нет денег и нечего есть. И вот он, мыслитель, человек пера, блестящий репортер, убедился, что в состоянии голода начинаешь думать о самых коротких отрезках времени. Он не думал о том, что будет завтра, — прикидывал лишь, как бы поесть. Голодный не в состоянии мыслить отвлеченно, а ведь лишь абстрактное мышление поможет

найти выход из безнадежного положения. Итак, нищета обрекает человека на нищету, и без помощи извне, без поддержки, без поощрения бедняк из бедности самостоятельно не выберется.

— Значит, вы утверждаете, что существующая помощь только ухудшает положение. Ее принимают, но из этого ничего не следует.

— В этом и заключается порочность иностранной помощи, которая носит временный характер. Мне случалось бывать в лагерях для беженцев в Африке и в Азии, и я видел, как там живут люди. Иногда сотни тысяч людей. Попадались лагеря, где было по триста тысяч. Человек получает 300 граммов кукурузы и три литра воды на день. Три литра воды — в тропиках, и это на всё: пить, стирать, готовить еду. Таков голодный паек, обеспечивающий прозябанье. Это беженцы из таких стран, как, скажем, Руанда. Они покинули свой кров, свои деревни, и путь к возвращению отрезан. До конца дней они обречены только на помощь. В тот момент, когда она прекратится, они умрут.

— Какого рода помощь им требуется?

— В 60-е годы делались попытки обеспечить беднейших людей на длительный срок. Орошали поля, засаживали лесами обширные территории, разводили на рациональных основах скот, строили школы и больницы. Существовал глобальный план вызволения этих сообществ из нищеты. Но усилия были, увы, прекращены.

— В одном из своих репортажей вы рисуете встречу с африканскими детьми, которые просят не хлеба, а карандаши. Иначе говоря, они пробуют изменить свое положение, они сознают, что для этого необходимо образование.

— Да, это бывает: дети голодные, босые, однако они за много километров ходят в школу. А та зачастую умещается в тени огромного дерева. Ребятишки сидят и слушают. Они пытаются запомнить то, что говорит учитель, ибо писать нечем. А ведь нужный для обучения карандаш продается в оптовой торговле за пять центов — значит, можно с помощью минимальных затрат решить проблему образования в странах Третьего мира. Но необходима добрая воля. Между тем в мире наблюдается рост эгоизма. Развитый мир видит собственные проблемы, но не ощущает необходимости нести помощь тем, кто беднее. Раньше Третий мир создавал механизмы нажима на развитые страны. Проводились международные конференции, на которых беднейшие страны вырывали уступки у богатых государств. Сегодня эти механизмы не действуют. И, поскольку фронтальная конфронтация подвела, Третий мир изменил тактику и прибегает к методу внедрения. Во всех развитых европейских обществах уже осложнилась проблема меньшинств, которые численно все увеличиваются, демонстрируя при этом высокий естественный прирост на фоне стареющих европейских обществ. И через 20-30-40 лет меньшинства из бедных стран сядут за стол богатых.

— Хотя иммигранты понемногу просачиваются в богатые сообщества, некоторые политологи все же утверждают, что мы оказались накануне конфронтации религий и цивилизаций. Подтверждается ли этот прогноз вашими наблюдениями в дни поездок?

— Мне думается, что нет. Прогноз конфликта цивилизаций, выдвигаемый Хантингтоном, отражает типично американские опасения. Находясь в фазе крайне бурного экспансионистского развития, США видят два порожденных цивилизацией препятствия. Одно — это Китай, самое населенное государство мира, страна необыкновенной общественной дисциплины, самая могущественная держава в районе Тихого океана — именно там, где зарождается новая цивилизация XXI века. Американской цивилизации не одолеть великих традиций китайской культуры. Другой источник беспокойства американцев — мусульманские страны. Ислам тоже не поддается влиянию массовой американской культуры; кроме того, мусульманские страны расположены в регионе нефтяных полей, иначе говоря, в том самом месте, где находится ключ к благополучию западной цивилизации XXI века. И потому конфликт с исламом — вопрос существования западной цивилизации, прежде всего Соединенных Штатов. Совершенно особое значение в XXI веке имеет, говоря упрощенно, конкуренция между Россией и мусульманскими странами из-за самых богатых на земном шаре залежей нефти в районе Каспийского моря. И потому США кровно заинтересованы в том, чтобы сохранить сильную и динамичную Россию, которая не только послужит противовесом Китаю, но еще со всем своим православием, со всем своим потенциалом сдержит экспансию ислама в этой части мира. Полякам часто невдомек, отчего это аме-

риканцы с такой последовательностью поддерживают Ельцина. Но они не наивны — у них просто другие интересы, чем у нас.

— *Из этого следует, что нынешнюю карту мира вычерчивают американцы, а мы считаем ее за свою?*

— В значительной мере так оно и есть. Здесь наблюдается простой механизм. Мы смотрим телевидение, чаще всего спутниковое. Мы принимаем информацию, а вместе с ней и точку зрения, выраженную, скажем, Си-Эн-Эн, ибо с ней никто не в состоянии конкурировать. Телевидение наших стран так слабо и так мало, что не может создать собственную мировую телевизионную сеть. Рождающаяся глобализация средств массовой информации формирует наши представления, наши взгляды в соответствии с их интересами и теориями.

— *Рассказывая о современном мире, вы обозначаете ось важнейших проблем, которая как бы проходит поверх Европы, минуя Европу. Что представляет собой Европа сегодня? Может, это всего лишь заповедник, над которым скрещиваются глобальные интересы, или же она еще играет заметную роль?*

— Европа — по-прежнему место привлекательное, важное, играющее особую роль в мире, однако уже не уникальное. Европа утратила экспансионистский запал и постепенно замыкается в своих собственных проблемах, преодолевая возникающие трудности. Европе не хватает образа будущего мира, у нее нет представления о своем месте в нем. А в нем уже не будет господства Европы, как это было в XIX веке, или Европы и Америки — в первой половине XX-го. Он станет поликентрическим миром, миром множества регионов, многих динамично развивающихся очагов. Европе трудно будет сохранить видное место в новом мире, который отнюдь не будет к ней благожелателен — наоборот, станет с ней конкурировать.

— *Считается ли новый рождающийся мир с Европой? Имеет ли она для него какое-то значение?*

— Европа попрежнему имеет значение в плане культуры. Это по-прежнему важный центр мысли, литературы и искусства. Но если говорить об идеях, имеющих будущее, то Европа утратит свое значение. Раньше европейский кризис, неотъемлемая черта нашего континента, вдохновлял на перемены, стимулировал развитие мысли, побуждал Европу к новым решениям, новым проектам. Сегодня европейский кризис толкает континент к потребительству. Европа стремится в первую очередь сохранить свой уровень жизни, вкусно есть в хороших ресторанах, хорошо одеваться, ездить в отпуск, короче, потреблять. И потому она хочет спокойствия, стабилизации и уходит из всего мира. Уходит из Африки, уходит из Азии. Она становится все более замкнутым местом, при этом, конечно, со многими положительными чертами, но и с огромной слабостью: из всех обществ мира в Европе общество самое составившееся.

— *Вы сказали, что в мире Европу трактуют главным образом как источник культуры. Согласуется ли основанная на средиземноморской традиции, на классической литературе, на классической философии средиземноморская культура с современным миром? Может ли этот мир что-либо из нее почерпнуть?*

— Может, но не очень много. Давайте проследим в связи с этим динамику развития человечества. Зачатки цивилизации мы наблюдали где-то в Шумере, на Тигре и Евфрате, короче, в Азии. Потом, в эпоху античности и Средних веков центр мира перемещается в Средиземноморье. В новое время мировым океаном, главным центром цивилизации, становится Атлантика. В XXI веке центр развития переместится дальше на запад, к Тихому океану. Там обитает сегодня половина человечества, около трех миллиардов человек. Там встречаются друг с другом разные культуры, религии, общественные системы. Но все это уже весьма далеко от европейской традиции. Там люди живут иными ценностями. Там нелегко отыскать книгу, на которой воспитывались поколения наших отцов, наших гуманистов.

— *Значит, мы являемся свидетелями возникновения глобального сообщества?*

— Да, происходит нечто небывалое в истории человечества. Это момент строительства планетарного единства. Некогда лишь отдельные кочевые племена странствовали малыми группками по свету. Впоследствии из них стали формироваться сообщества, народы. В начале нашего века, несколько десят-

ков лет назад, начало формироваться массовое сообщество, массовые культуры, массовые институты. А ныне в связи с электронной революцией, которая слила нашу планету в одно целое, возникла единая система связи, упразднившая пространство и время. Мы движемся к планетарному сообществу.

— *Способствует ли то, о чем вы говорите, а именно мгновенный контакт с любым местом земного шара, человеческим связям, или же он облегчает всего лишь техническую связь, движение капитала, передачу информации? Ведь это не одно и то же.*

— Мы у истоков небывалого процесса, дальнейший ход которого нам неизвестен, который даже трудно себе представить. Рождается мир, какого наш разум, приученный за тысячелетия к жизни в племенных группах, в семьях, в малых сообществах не в силах себе представить, не в состоянии сформулировать отклик на возникшую ситуацию. Попробуйте вообразить, что благодаря Интернету и современной технологии сегодня в глобальном масштабе в течение одного дня совершается два миллиарда финансовых операций. К тому же таких операций, которые способны разрушить хрупкую систему нашего мира.

— *Когда пытаешься обнять фантазией новый наступающий мир, трудно не поддаться впечатлению, что для его существования необходима солидарность огромного планетарного сообщества, не так ли?*

— Мы и выжить-то можем лишь в качестве планетарного сообщества. Иного шанса не существует, потому что все опасности, грозящие миру, — это опасности планетарные. Проблема потепления Земли, проблема эпидемий, проблема нехватки воды — все это вызовы, брошенные не кому-либо сообществу, не какой-либо отдельной группке людей. Не сумей мы построить элементов планетарной солидарности, мы пострадаем от этого все. Это попытка самозащиты, мы еще не даем себе в этом отчета. Главный вызов, брошенный сегодня человечеству, — это приглашение к перестройке нашего воображения.

— *С оптимизмом ли вы наблюдаете человечество в этом его процессе на грани наступающего столетия?*

— Да, с оптимизмом. Я вижу, как здравый смысл побеждает в сообществах. Хотя происходит порой, разумеется, то, что можно назвать безумством истории. Степновский называл историю собакой, сорвавшейся с цепи. На свете сейчас уже двести государств, а их число все растет. Неизбежны постоянные причины конфликтов. Однако если раньше, в первой половине XX века, самое ничтожное недоразумение могло повлечь за собой великую смуту — мировую войну или серию больших региональных столкновений, — то теперь в случае возникновения конфликта, где бы он ни был, голоса мирового сообщества пытаются его смягчить и ликвидировать. В этом направлении работают все международные силы и организации. Исчезла атмосфера, благоприятствующая войне. Стоит, к примеру, взять в руки газеты 30-х годов, т. е. прессу накануне II Мировой войны, как станет ясно, что войны ждали в любую минуту. Теперь такой атмосферы нет, и это в высшей степени позитивно.

— *Значит, цепь, на которой сидит собака истории, становится все надежнее?*

— Мне кажется, да. В течение ряда лет я работал в качестве военного корреспондента и знаю, что такое война, знаю, какое это бедствие и трагедия. Я сторонник теории, что войну никогда никто не выигрывает, что война — это поражение для всех ее участников. Я счастлив, что мир выбирает решения, помогающие избежать войн.

— *Значит, Земля — это не такая бесплодная дряхлеющая планета, какой видят ее некоторые, напротив, она таит в себе огромный потенциал?*

— Наша планета обладает огромными человеческими и материальными резервами и возможностями. Не сбылись прогнозы Римского клуба, который еще недавно предсказывал, что запасы истощаются. Количество запасов еще колоссально, и количество богатств огромно. Продукция всей планеты — если дозволено так выразиться — непрерывно возрастает, и в связи с этим шансы будущего благоприятны. Все зависит от того, каковы будут наши замыслы и проекты и прежде всего достанет ли нам доброй воли. И фантазии, чтобы всем воспользоваться.

Декабрь 1997, Музей связи, Краков